

ՄԵՆՉԳՐԱԿԱՆ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆ
МОНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

С. В. ГЕГАМЯН

НАЦИОНАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ ТУРЦИИ В
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ СТРАНЫ (1945—1950 гг.)

Исследование социально-экономической истории Турции свидетельствует, что зарождение и развитие турецкой национальной буржуазии шло своеобразным путем. В течение длительного периода в экономике страны ключевые позиции занимала инациональная буржуазия (греческая, армянская, еврейская и славянская), которая, однако, была лишена политической власти. Лишь со второй половины XIX в. начинается формирование и развитие собственно турецкой буржуазии, особенно оживившейся после победы национальной войны 1919—1922 гг. В это время анатолийской буржуазии, еще экономически слабой и не имевшей достаточного опыта предпринимательской деятельности, приходилось сотрудничать с представителями инациональной буржуазии, пользуясь их связями и финансовыми возможностями. В дальнейшем, к 1940-м годам, значительно укрепив свои экономические позиции, буржуазия взяла под контроль весь внутренний рынок страны. Идя навстречу стремлениям турецкой буржуазии, правящие круги страны добились вытеснения остатков инациональной буржуазии из экономической жизни страны.

В середине 40-х годов назрел кризис однопартийной системы власти. Резко обострились противоречия между разными классами турецкого общества, в том числе—между слоями национальной буржуазии. Обострению политической ситуации внутри страны способствовало растущее влияние демократических преобразований в ряде соседних и сопредельных стран, проведенных после второй мировой войны. В создавшейся ситуации правящие круги Турции приступили к поискам выхода из внутривнутриполитического кризиса. Именно поэтому вся вторая половина 40-х годов отличалась ис-

ключительной активностью как всей буржуазии, так и ее различных слоев, отстаивавших свои узкоклассовые интересы.

Целью работы является освещение факторов, приведших к росту влияния турецкой национальной буржуазии в экономической и социально-политической жизни страны, выявление особенностей ее взаимодействия и противоречий с другими социальными слоями, в частности с рабочим классом, крестьянством и др. Прослежен процесс укрепления экономических и политических позиций национальной, прежде всего торговой, буржуазии. Обращено внимание на то обстоятельство, что крупная торгово-промышленная буржуазия Турции, выступая от имени всего частного сектора, все активнее выдвигала откровенно националистические, шовинистические лозунги. В работе отмечается выраженная непоследовательность взглядов и установок национальной буржуазии в отношении принципов сотрудничества с Западом.

Научный анализ данной проблемы, как нам кажется, поможет лучшему, углубленному пониманию основных направлений турецкой внешней политики исследуемого периода.

ГЛАВА I

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ ТУРЦИИ

1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ СФЕРЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Экономическое развитие Турции в конце 40-х—начале 50-х гг. проходило под воздействием чрезвычайных правительственных мероприятий, проведенных в годы второй мировой войны, когда правительство стремилось перевести хозяйство страны на военные рельсы. Например, численность турецкой армии в эти годы была доведена до одного миллиона человек¹. Естественно, что эта и другие подобные меры способствовали разбуханию военного бюджета. Для содержания миллионной армии Турция с 1939—1947 гг. истратила свыше 3 млрд. лир². Так, согласно подсчетам П. П. Моисеева, за годы второй мировой войны прямые военные расходы Турции составляли примерно 2409 млн. турецких лир, а общие военные расходы, включая военную помощь Англии, Франции, Германии и США,—4 млрд. лир³. По данным турецкого автора Ф. Окта⁴, в 1939/40 финансовом году⁵ прямые военные расходы составляли примерно 164 млн. лир, а в 1943/44—543 млн., т. е. соответственно возросли примерно в 3,3 раза.

Перевод экономики на военные рельсы отрицательно сказывался на и без того трудной экономической конъюнктуре Турции. В деревне не хватало рабочих рук, годовое производство зерна уменьшилось с 7700 до 6974 тыс. тонн. По мнению И. Сертель, приводящей эти данные, положение особенно ухудшилось и потому, что Турция, которой не хватало зерна даже для себя, экспортировала пшеницу в Германию. Цены на хлеб повышались, была введена карточная система. В стране царил дороговизна. Об этом свидетельствует индекс оптовых цен, который в 1938—1946 гг. поднялся со 100 до 427,3⁶, т. е. более чем в четыре раза.

Сложная система мер, призванных ужесточить в условиях военной обстановки государственное вмешательство и одновременно поощрить частное предпринимательство, наиболее полно отражена в законе о национальной защите⁷, который был принят 18 января 1940 г. и вступил в силу через месяц. Закон предоставил правительству еще более широкие, по сравнению с довоенным периодом, полномочия вмешиваться в экономическую жизнь страны. Оно получило даже право устанавливать сорт и объем производимой промышленными и добывающими предприятиями продукции. Закон предусматривал передачу государству тех частных предприятий, которые не в силах обеспечить установленную норму производства. Безусловно, национализация некоторых предприятий была вызвана прежде всего причинами военного характера. С другой стороны, национализация этих малорентабельных предприятий полностью отвечала интересам самих предпринимателей, которые, освобождаясь от убыточного производства, получали в виде компенсации денежные средства для более выгодных капиталовложений. В числе этих предприятий и средств транспорта находились некоторые угольные шахты Зонгулдак-Эреглийского бассейна, цементные заводы в Эскишехире и Зейтинбурну (Бакыркей), маслобойные заводы, мукомольные фабрики в Сирте и Эскишехире, кожевенный завод в Стамбуле, трамвайное и водное хозяйство Измира, парходное общество «Ширкети-Хайрие» и др.⁸ Примечательно, что годовые убытки шахт угольного бассейна за 1939—1940 гг. соответственно составляли 470 тыс. лир и 835 тыс. лир⁹. Турецкое государство выплатило хозяевам шахт крупную компенсацию в размере 11 млн. лир¹⁰, а «Ширкети-Хайрие» получила 2,5 млн. лир¹¹.

В области сельского хозяйства правительство, согласно закону, получило право устанавливать сорта посевных культур в определенном районе, а необрабатываемые земли, если их размеры превышали 500 га, брать в свои руки, оплатив их цену владельцу. Государственные организации получили также право закупать у производителей продовольственную продукцию по установленным твердым ценам и продавать на внутреннем рынке. Однако эта мера дала обратные результаты. Как отмечает в своей книге Т. Тимур¹²,

поскольку правительство насильно покупало пшеницу у земледельца по значительно более дешевым ценам, чем на рынке, земледельцы стали скрывать ее, чтобы потом заниматься спекуляцией. Н. Нанди обращает внимание на то, что государство, покупая хлопок у нищего крестьянина по твердым низким ценам и обрабатывая его затем на своих предприятиях, готовую ткань продавало уже по высокому ценам. Примеру государства следовали частные предприниматели, которые сами выращивали хлопок или покупали его у крестьян также по государственным ценам. Хлопок они обрабатывали на своих предприятиях и готовую ткань продавали народу по тем же государственным высоким ценам¹³. Это один из примеров того, как, казалось бы, жесткие статистические меры оборачиваются дополнительной выгодой для частного предпринимательства, способствуют его дальнейшему обогащению, накоплению капитала.

Правительство могло также принудительно купить неиспользуемое машинное оборудование, но с условием не наносить урон предпринимателям, у которых оно сделало покупку. Это оборудование передавалось другим фирмам—тем, кто испытывал в нем нужду. Правительство могло обязать торговых посредников импортировать необходимые стране материалы и держало под контролем эти фирмы. Они обязаны были, в случае необходимости, накапливать запасы таких материалов. Власти обеспечивали импортеров необходимой валютой и кредитом, а если такое накопление запасов приносило ущерб торговцам, то он возмещался государством. Нет сомнения, что и такое «принуждение» могло стать методом обогащения импортеров.

Государство имело преимущественное право закупки изделий у частных предпринимателей, при этом к нормальной стоимости начислялась определенная процентная прибыль. В тех случаях, когда устанавливались сорт и объем производства, законом также признавалось право предпринимателей на получение прибыли. Правительство обеспечивало предприятие необходимым кредитом. Оно обязывалось также возмещать производителю ущерб при снижении внутренних цен на продукты и товары, экспорт которых был запрещен¹⁴.

Совершенно очевидно, таким образом, что никакой пункт закона о национальной защите не шел вразрез с коренными интересами частных предпринимателей. Что же касается излишней регламентации производственной и сбытовой деятельности предпринимателей, которая их раздражала, то правительство шло на постепенное смягчение своего контроля, в частности, над ценами. Так, в 1942 г. правительство Ш. Сараджоглу разрешило продавать пшеницу и некоторые продукты по свободным ценам. Такое решение приветствовалось прежде всего теми помещиками, кулаками и торговцами, которые накопили запас продовольствия,—они могли продавать

эти продукты по высоким ценам. Цена на оливковое масло в тот период с 85 курушей повысилась до 350 курушей. Были спекулянты, которые сумели накопить запасы до 16 тыс. тонн оливкового масла, скупая его по цене 85 курушей. Затем, продав это масло по 350 курушей, они стали миллионерами¹⁵.

Промышленность страны развивалась слабыми темпами: в 1939—1945 гг. годовой прирост промышленного производства составил в среднем всего лишь 2,5 %¹⁶. В основном развивалась промышленность, имеющая военно-стратегическое значение. Если производство тканей до войны составляло 43 млн. метров, то в 1945 г. оно достигло 80 млн. метров¹⁷. Добыча лигнита до войны в среднем была 450 тыс. тонн, в 1945 г. добывалось уже свыше 700 тыс. тонн, а в 1950 г.—1,2 млн. тонн. Дальнейшее развитие получила добыча хромовой руды, которая в 1952 г. достигла свыше 800 тыс. тонн—против 148 тыс. тонн в 1945 г.¹⁸

В связи с ростом строительных работ, в годы войны Сумербанком был сооружен в Сивасе цементный завод с годовой мощностью 100 тыс. тонн¹⁹. Это был первый цементный завод, построенный государством. Турецкие власти занимались и строительством железных дорог. За 1944—1951 гг. были построены линии Диярбакыр—Курталан; Тавшанлы—Тунчбилек, Тунчбилек—Курукавак, Кепрюагзы—Мараш, Эрзурум—Хорасан общей протяженностью 312 км²⁰. Вся сеть железных дорог Турции в 1942/1943 гг. составляла 7414 км²¹.

В годы второй мировой войны частный сектор неохотно шел на выделение капиталовложений в промышленность, несмотря на то, что условия военного времени, а именно, нехватка товаров, высокие цены и т. д., были, казалось бы, благоприятными для расширения многих отраслей промышленности. Одной из причин такого отношения частного капитала к промышленным капиталовложениям было то обстоятельство, что торговля в это время обеспечивала намного больше выгоды, нежели промышленное строительство. Кроме того, многие частные предприниматели считали риском в условиях, когда мировая война бушевала у границ Турции, вкладывать капиталы в промышленность. Имело значение и то обстоятельство, что для промышленного строительства необходимо было оборудование и сырье, которое в условиях войны импортировать частному сектору было намного труднее, чем государственному. В особенно неблагоприятном положении находились мелкие промышленники, так как именно они испытывали наибольшую нехватку сырья и других материалов, именно они из-за снижения покупательной способности населения, как правило, терпели убытки.

В более или менее удовлетворительном положении находились государственный сектор и частные ценовые²² предприятия. Об этом свидетельствует тот факт, что если в 1939 г. государственные

предприятия выпускали 27,7 % всей промышленной продукции страны, частные ценовые фабрики—34,3 %, то в 1945 г. их доля составила соответственно 24,1 и 43,1²². В 1950 г. государственный сектор выпускал 28,1 % всей продукции, а ценовая частная промышленность—44,3 %²⁴. При этом нужно иметь в виду, что государственные заводы и фабрики составляли по числу лишь 0,1 % всех предприятий обрабатывающей промышленности²⁵.

Если проанализировать данные за 1939—1950 гг., то видно, что в этот период частное фабрично-заводское производство, несмотря на отмеченные трудности, постепенно укрепляет свои позиции. Государственная же промышленность несколько ослабила свои позиции в 1945 г., но уже в 1950 г. намечается ее рост.

Одним из главных источников капиталистического накопления в Турции, используемого затем в государственных капиталовложениях, являлись налоги, которые имели преобладающую долю в доходах государственного бюджета. Как отмечал Е. Ф. Лудшувейт, подавляющая часть косвенных и прямых налогов (около 70 %) приходилась на налоги с трудящихся и лишь около 20 %—на прибыли, получаемые помещиками, купцами и предпринимателями, хотя на их долю приходилось более половины национального дохода. Весьма скромное место в доходной части бюджета занимала и прибыль от государственных предприятий²⁶. По подсчетам П. П. Моисеева, трудовое крестьянство только в порядке прямого налогообложения уплатило в 1943—1944 гг. около 1100 млн. лир²⁷.

Доля прямого налогообложения в Турции была низка. Если сопоставить данные за 1936, 1946 и 1951 гг., то выясняется, что доля прямых, косвенных и чрезвычайных налогов в 1936 г. соответственно составляла 21, 52 и 27 %; в 1946 г.—25, 40 и 35 %; в 1951 г.—26, 58 и 16 %²⁸. Как показывают цифры, за указанные годы доля косвенного налогообложения превышала долю и прямых, и чрезвычайных налогов.

Главную роль в прямом налогообложении Турции играл подоходный налог, доля которого год за годом увеличивалась. Так, если размеры поступлений в виде подоходного налога среди налоговых доходов в 1936 г. составляли 20,6 млн. лир, то в 1941 г. и 1946 г. они соответственно возросли до 52,5 и 149 млн. лир²⁹. Косвенные налоги взимались путем повышения цен на товары широкого потребления, включались в цены на коммунальные, транспортные и целый ряд других услуг, непосредственно затрагивая интересы малоимущих слоев турецкого общества. Турецкие власти, пользуясь военной конъюнктурой, постоянно взвинчивали цены на товары широкого потребления. В косвенных налогах значительную роль играли таможенные пошлины, доля которых за эти годы также увеличилась. Так, в 1951 г. таможенные поступления составляли 159,8 млн. лир, против 34,8 млн. лир в 1939 г.³⁰ Налоговая полити-

ка в Турции полностью была подчинена интересам имущих классов и направлена против трудящихся масс. Львиная доля налоговых поступлений использовалась для военных целей.

В изучаемые годы основным источником экономического влияния большей части турецкой буржуазии являлась торговля. В руках частного предпринимательства, за небольшими исключениями, была вся внутренняя оптовая и розничная торговля. По турецким статистическим данным, в 1950 г. в населенных пунктах с числом жителей более 2 тыс. существовало 12 тыс. предприятий оптовой торговли, где было занято примерно 39,2 тыс. человек, из которых 12,7 тыс. составляли владельцы и совладельцы, а наемный персонал—около 26,5 тыс. человек³¹. Из этих данных следует, что на одно торговое оптовое предприятие приходится по 3 человека. По этим же данным в стране существовало около 73,6 тыс. предприятий розничной торговли, где было занято около 111,5 тыс. человек, из которых владельцы и члены семьи, принимающие участие в торговле, составляли 90,8 тыс. человек, а число наемных лиц—20,6 тыс. В розничной торговле на одно предприятие приходилось примерно 1—2 человека.

Значительная часть торговцев в Турции была занята в розничной торговле. Однако среди них число крупных торговцев было невелико. В основном это были мелкие торговцы, располагавшие небольшими бакалейными лавками или магазинами. Как правило, они редко прибегали к помощи наемного труда, ограничиваясь использованием труда членов своей семьи.

Некоторая часть турецкой торговой буржуазии была занята в посреднической или во внешней торговле страны. Годы второй мировой войны оказались особенно удачными для развития экспорта. Продавая товары, в основном стратегического назначения, Германии, Турция одновременно поддерживала тесные торговые контакты с США и Англией, которые, стремясь ослабить экономические связи Турции с Германией, подчас покупали турецкие товары по повышенным ценам. Значительно активизировала Турция после войны свои торговые отношения с США. Ее экспорт в США в 1939 г. составил 18,3, в 1945 г.—96, в 1951 г.—187 млн. лир. Турция поддерживала также тесные торговые контакты с Англией. Если в 1939 г. экспорт Турции в Англию составил 7,3; в 1945 г.—32,6, то в 1951 г.—73,3 млн. лир³².

Благоприятная торговая конъюнктура для экспорта товаров способствовала тому, что Турция имела активное сальдо во внешнеторговом обороте, могла накапливать запасы золота и валюты. Как показывают турецкие статистические данные, в 1940 г. экспорт Турции превысил импорт на 23,6; в 1941 г.—25,4; в 1942 г.—5,4; в 1943 г.—11,4; в 1944 г.—17; в 1945 г.—26,8 %³³. При этом, разуме-

ется, следует учитывать и застой в условиях военного времени в импорте в страну промышленного сырья и оборудования. Турция экспортировала в основном сельскохозяйственное и минеральное сырье, а импортировала промышленные товары. Так, в 1950 г. в экспорте страны хлопок составил 26,6 %, табак—23,2 %, фрукты и орехи—19,2 %, хромит и другое минеральное сырье—4,5 %. В этом же году в импорте страны машины и оборудование составили 23,1 %, черные металлы и изделия из них—12,2 %, нефть и смазочные масла—7,4 %, легковые и грузовые автомобили и вагоны—5,5 % и т. д.³⁴ Экспорт и импорт всегда являлись доходными сферами торговли в Турции: прибыль здесь в 25 % и больше являлась обычным явлением³⁵.

Не менее прибыльными являлись подрядные работы. В отличие от промышленника, который рискует при капиталовложениях, не всегда заранее зная, по какой цене сможет продать свою продукцию, подрядчик знает примерный доход от своего дела. И если в течение года цены на некоторые используемые материалы повышаются, то это учитывается и оговаривается. Так, выступив в роли подрядчиков крупные дельцы Хайдар Эмре и Вехби Қоч за 6 млн. лир обязались построить один из участков железнодорожной линии Элязыг-Ван. Когда началась вторая мировая война и товары резко подорожали, государство, уступая требованиям подрядчиков, пересмотрело подрядные соглашения с учетом изменений в ценах. В результате вышеуказанная стоимость сделки была повышена до 15—18 млн. лир³⁶.

Начиная работы, не каждый турецкий подрядчик мог располагать большим капиталом; лишь получив большие авансы от государства, он мог приобрести все необходимое. Часто уже после подписания контракта государственные организации-заказчики сами предоставляли подрядчику необходимые для выполнения подряда средства. В конце строительства подрядчик получал прибыль, которая иногда превышала сумму вложенного капитала. Нередко два-три подрядчика объединялись для выполнения крупного подряда.

Широкий размах в Турции получила в эти годы торговля земельными участками, отводимыми под постройки. Чрезмерно высокие цены вовлекали многих предпринимателей в спекуляцию землей, другой недвижимостью. В крупных городах по сравнению с 1930 г. цены на такие земли повысились в 2 тысячи раз, а по сравнению с 1950 г.—в 100 и 200 раз³⁷.

Одним из распространенных источников обогащения в Турции являлось ростовщичество, укоренившееся в деревне. Как правило, ростовщики давали в долг не только деньги, но и все необходимое для обработки земли. Крестьянство испытывало острую нехватку в сельскохозяйственном кредите, сконцентрированном в руках ага

и помещиков. Крестьяне вынуждены были прибегать к «помощи» ростовщиков, поскольку, банки, кроме Сельскохозяйственного, давали кредит только по рекомендациям торговцев. Естественно, что не всем крестьянам удавалось получить кредит по этим каналам. О недостаточности банковского сельскохозяйственного кредита говорит такой пример. В Сёке (вилайет Айдын) для выращивания хлопка необходимый суммарный кредит исчислялся в сумме 50 млн. лир, однако общая сумма кредитов, выданных банком в Сёке, составляла лишь 10 млн. лир. При таком состоянии сельскохозяйственного кредита крестьянам Сёка не оставалось другого выхода, как прибегать к ростовщическому кредиту. Ростовщики, пользуясь тяжелым финансовым положением крестьян, давали такой кредит под высокие проценты. Например, в Эгейском районе размер ростовщического процента достигал 200 % годовых³⁸.

К. Маркс подчеркивал двойственный характер ростовщического капитала, считая его не только показателем сохранения докапиталистических форм эксплуатации, но и «мощным рычагом для образования предпосылок промышленного капитала»³⁹.

В указанные годы некоторое оживление наблюдалось в предпринимательской деятельности промышленников. Несомненно, что частная промышленность в первые послевоенные годы могла развиваться в значительной степени благодаря накоплению и концентрации торгового капитала за годы войны и последующему его переливу в промышленность. По данным турецкого экономиста Н. Серина, 43 % деловых людей Турции в 50-е годы, до своей предпринимательской деятельности в промышленности занимались торговлей, а 19,4 % — были землевладельцами⁴⁰. При этом четыре пятых из этих бывших торговцев до своей деятельности в сфере промышленности занимались оптовой торговлей, а одна пятая была занята в розничной торговле и импортных операциях. Землевладельцы же, являясь второй по значению группой, из которых формировались промышленники-предприниматели, владели землями, площадь которых исчислялась сотнями га.

Турецкое частное предпринимательство было представлено в 40—50-х гг. и участием в банковских операциях. Государственные и частные банки занимались, как правило, не только предоставлением кредита промышленности, транспорту, сельскому хозяйству и другим отраслям, а также лицам, нуждающимся в кредитах, но и сами вкладывали капитал в промышленность, торговлю и т. д. Например, один из частных банков Турции, Акбанк, был создан в 1948 г. с капиталом в 5,7 млн. лир. Из числа его 83 учредителей основное место занимали аданские торговцы, промышленники и помещики, несколько адвокатов, врачей. Наиболее крупными акционерами были такие семьи аданских и кайсерийских крупных торговцев и промышленников, как семьи Хас, Сабанджы, Сапмаз,

Озгюр, Босна, Текин, владевшие или построившие в 50-х годах крупные текстильные комбинаты в Адане и Тарсусе⁴¹. В указанные годы стало намечаться укрепление позиций национального частного банковского капитала на общем фоне увеличения числа банков и отделений в стране. Например, число банков и их отделений в 1948 г. достигало 32, против 11 в 1924 г.⁴² Крупными государственными банками страны являлись Сумербанк, Этибанк, Сельскохозяйственный банк, Вилайетский банк и др. Одним из первых частных национальных банков Турции был Строительный и кредитный банк, который был основан в 1944 г. с капиталом в 1 млн. лир⁴³. Основателем Строительного и кредитного банка был крупный банкир Қязым Ташкент. Еще в 1929 г. он пытался основать сахарный завод, затем, имея специальность инженера, занимал ответственные посты на государственных предприятиях. В 1944 г. К. Ташкент стал генеральным директором государственного общества сахарных заводов Турции (Тюркие шекер Фабрикалары А. Ш.), но затем оставил этот пост и перешел в частный сектор. В этом же году им было основано страховое общество Доган⁴⁴.

Самым крупным частным национальным банком в Турции считается Деловой банк, хотя часть его акций принадлежит государству. Сумма активов банка в 1948 г. составляла 11,6 % активов всех банков, действовавших в Турции, или 46 % активов частных банков⁴⁵. Год за годом доходы этого банка росли: если в 1944 г. Деловой банк получил прибыль в размере 1,6 млн. лир, то в 1949 г.—уже 3,5 млн. лир⁴⁶.

В 1950 г. в Стамбуле был учрежден Банк промышленного развития Турции. Членами управления банка стали влиятельные деловые люди страны: бывший генеральный директор Делового банка Меджит Дуруз, член правления Строительного и кредитного банка Атыф Куюджак, Нури Догделен, Хаккы Авундук, Джабир Селек, Супхи Аргун и В. Қоч⁴⁷. Банк должен был открывать долгосрочные (10 лет) и среднесрочные (5 лет) кредиты только для частного сектора—с целью финансирования строительства новых предприятий или модернизации существующих⁴⁸. Акционерами Банка промышленного развития Турции выступили 24 банка, акционерные компании и частные лица, а также иностранные банки: Османский, Салоникский, «Банка Коммерциале Италияне», «Банка ди Рома», Голландский банк, которым принадлежали акции на сумму 3,2 млн. лир, или четверть всех акций банка⁴⁹.

Деятельность частных банков в Турции особенно оживилась с начала 50-х годов, после прихода к власти Демократической партии. В этот период не только основывались новые банки—действующие стали расширять сеть своих отделений и агентств. Так, например, открыли свои отделения и агентства Акбанк—в 42, Гаран

тийный—в 1, Кредитный—в 5, Турецкий торговый—в 11, Деловой—в 22, Строительный и кредитный—в 64 городах и т. д.⁵³

Некоторая часть турецких предпринимателей вкладывала капитал в сельское хозяйство, на приобретение недвижимого имущества—земельных участков, домов и т. д. В результате в деревне образовался новый слой землевладельцев, действовавших и в городе, и в деревне. Их интересы совпадали с интересами помещиков, включавшихся в капиталистическое предпринимательство в деревне. К сожалению, турецкая статистика не содержит сведений, показывающих масштабы перелива торгово-ростовщического капитала в сельское хозяйство, что и обуславливает необходимость использования косвенных фактов. Одним из таких фактов можно считать рост кулацких хозяйств в деревне. По приблизительным подсчетам А. Д. Новичева, в 1939 г. в Турции насчитывалось 290 тыс. кулацких хозяйств, а в 1950—1952 гг. их число увеличилось до 328 тыс.⁵¹ По всей вероятности, в росте кулацких хозяйств определенную роль сыграл и переход торгово-ростовщического капитала в сельское хозяйство. Например, после того, как в районе Текирдаг стали строить винокуренный завод, торговцы стали срочно скупать крестьянские земли, доводя свои земельные участки до 40—50 га⁵².

Более отчетливо в турецкой деревне наблюдался обратный процесс, т. е. помещики стали часть своих капиталов вкладывать в промышленность, участвовать в торгово-банковых операциях, заниматься подрядными работами и т. д. Так, крупный помещик, депутат из Эскишехира Эмин Сазак принимал участие также в подрядных работах и, накопив достаточный капитал, построил в Самсуне лесопильный завод⁵³. Другой пример такого рода свидетельствует о том, что крупные собственники плантаций сахарной свеклы приняли участие в финансировании строительства сахарных заводов⁵⁴. Данные одного обследования также показали, что крупные землевладельцы обеспечили 19,4 % средств, использованных в 50-х годах на капиталовложения в сфере промышленной деятельности⁵⁵. В результате расширения предпринимательской деятельности торговый капитал стал действовать как торгово-промышленный, торгово-ростовщический, торгово-банковский капитал и т. д.

Таким образом, в годы второй мировой войны и в первые послевоенные годы национальная буржуазия страны постепенно укрепляла, хотя и медленными темпами, свои экономические позиции, в немалой степени используя накопленный в годы войны значительный капитал, а турецкое правительство всемерно способствовало ее развитию.

2. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКТОРОМ. ИНОНАЦИОНАЛЬНЫМ И ИНОСТРАННЫМ КАПИТАЛОМ

Правящие круги Турции после установления республиканского строя, особенно с 30-х годов, стали уделять особое внимание созданию и развитию государственного сектора. Как правило, в развивающихся странах он играет в целом прогрессивную роль. Здесь важно уяснить, какими классами создается и управляется госсектор и какие цели преследует. Создавая в Турции государственный сектор, правящие круги вовсе не имели в виду развитие страны по некапиталистическому пути. Они были намерены лишь поставить госсектор на службу национальной буржуазии, нисколько не заботясь об интересах трудящихся. Однако создание госсектора способствовало росту внутреннего рынка, развитию национальной экономики и ослаблению позиций иностранного предпринимательства. Принятые в сфере государственного сектора мероприятия были направлены на создание и развитие важных для страны отраслей промышленности, требовавших больших капиталовложений.

Государственный сектор с первых же дней существования новой власти имел тесные связи с частным капиталом. По мере возможности он снабжал частные предприятия сырьем, электроэнергией, изделиями своего производства и т. д. Национальная буржуазия лишь своими собственными средствами не в состоянии была вывести страну из тяжелого экономического положения. Поэтому она признавала необходимость государственного вмешательства, которое не ущемляло бы коренных интересов частного сектора. Слабость национальной буржуазии страны состояла не только в том, что она не располагала необходимыми капиталами по финансированию строительства крупных проектов. Она не располагала также необходимыми техническими знаниями и навыками для управления крупными предприятиями. Госсектор уже в 30-е годы являлся опорой многих экономических преобразований в стране. Вынужденные прибегнуть к политике госкапитализма, правящие круги Турции все же основой экономического развития считали частное предпринимательство.

Развитие страны в 30—40-е годы показало, что Турция, благодаря этатизму и ограничению иностранных капиталовложений, смогла добиться определенного экономического прогресса, построить крупные современные предприятия, что было бы не под силу частным предпринимателям. Однако, кроме успехов, выявились и серьезные экономические трудности, которые в первые послевоенные годы дали о себе знать. Часть деловых людей связывала причины их с тем, что экономика страны находится под контролем

государства и отсутствуют условия для приложения частного капитала⁵⁵. Все отчетливее звучали требования ограничить экономическую деятельность государства, создать более благоприятные условия для частных капиталовложений, передать предприятия, находящиеся в руках государства, частным лицам. Выдвигались предложения четко определить сферы государственного предпринимательства. С точки зрения этих кругов этатизм обеспечил экономическую независимость, основал национальную экономику, поддержал развитие местной индустрии и этим завершил свою историческую миссию. Он уже препятствует, таким образом, развитию экономики⁵⁷. В качестве одного из аргументов приводился пример с национализацией шахт угольного бассейна Зонгулдак, в результате которой население страны, до этого не испытывавшее никаких трудностей с углем, оказалось в тяжелом положении⁵⁸.

Противники этатизма считали, что государственные предприятия не могут рационально работать по следующим причинам: 1. Эти предприятия лишены коммерческих устремлений, ими руководят чиновники, которые избавлены от необходимости стремиться к прибыли, избегать убытков. 2. Руководители государственных предприятий не могут избавиться от бюрократического мышления. Их права ограничены в принятии необходимых решений. 3. Государственные предприятия лишены реформирующего влияния конкуренции. Они находятся в преимущественном положении по сравнению с частными предприятиями: освобождены от налогов, имеют большую материальную и моральную поддержку властей, опираются на государственный бюджет⁵⁹.

Выступая в печати, один из деловых людей Турции (в недавнем прошлом—крупный руководитель в госсекторе) Х. Алисбах предстал перед экономическими кругами как серьезный критик политики этатизма, защитник интересов частного предпринимательства. Он утверждал, что вмешательство государства в дела предпринимателей не должно выходить за рамки необходимости, выступал за разработку такого промышленного плана, который мог бы определить взаимные отношения между государством и частным предпринимательством. Он требовал от государства поддержки в обеспечении частного сектора внешними кредитами и валютой, установления равноправных отношений между частными и государственными предприятиями, предоставления частным фирмам промышленного кредита⁶⁰.

22—27 ноября 1948 г. в Стамбуле состоялся промышленный конгресс. На конгрессе были созданы три комиссии (по этатизму, внешней торговле и налоговой реформе), в которых обсуждались и предложения частного сектора⁶¹. В частности, в комиссии по этатизму выдвигались требования о том, что государство должно посвятить себя таким сферам деятельности, как образование, разви-

тие транспорта, оборонная промышленность, почта и другие отрасли общего значения. Предприниматели требовали, чтобы государство обеспечило им необходимые возможности для успешной деятельности, а частное предпринимательство имело бы равные с государственными предприятиями права. Выдвигалось требование и о том, что государство должно действовать только в таких областях, где частное предпринимательство невыгодно.

В области внешней торговли были предложены меры по поощрению экспорта. Все препятствия по экспорту должны быть устранены, и государство, взаимодействуя с купцами, обязано ограничить импорт.

Комиссия по налоговой реформе рекомендовала пересмотреть налоговую систему и, исходя из новых нужд страны, отменить налог, который был установлен на продукты сельского хозяйства.

На конгрессе утверждалось, что при управлении экономическими делами государство должно играть просветительскую и, по необходимости, организаторскую роль, однако оно ни в коем случае не должно выступать против предпринимателей как регулирующая сила и как конкурент⁶².

Вместе с тем работа промышленного конгресса показала, что отдельные группировки национальной буржуазии выступали за ограничение, а не за ликвидацию этатизма. Особенно были заинтересованы в сохранении этой политики наименее влиятельные представители частного сектора. Так, Юсуф Саим Атасагун признавал, что этатизм обеспечил национальной экономике большие успехи, например, в производстве чая и сахара. И если государство откажется от своих экономических мероприятий, то частное предпринимательство еще не в силах будет урегулировать экономическую жизнь страны⁶³. Другой выступивший на конгрессе сторонник этатизма—Ш. Сюрея Айдемир—считал, в частности, что государство не препятствует развитию частного предпринимательства и в течение 25 лет оно сделало гораздо больше, чем в течение 600 лет сделали частные компании⁶⁴.

События послевоенного периода, свидетельствовали о том, что проблема этатизма становится важным моментом в спорах между различными слоями национальной буржуазии о дальнейшем экономическом развитии страны.

Одной из особенностей национальной буржуазии Турции того периода было то, что она крепла не в производстве, а в посреднических операциях. Буржуазия была посредником в торговле между государством и иностранной фирмой, между производителем и потребителем, действовала в качестве агента, комиссионера, представителя иностранных фирм-импортеров и т. д. Этими операциями занимались и такие крупные фирмы, как фирмы В. Коча, М. Кавала, Бурли и др. Например, М. Кавала получил право поставлять

в 1946—1947 г. большую партию вагонов и вагоноцистерн для Управления железных дорог, «Оффиса нефти» и других организаций общей суммой 28 млн. лир⁶⁵. В годы второй мировой войны В. Коч вместе с другими посредниками-импортерами получил право ввозить в Турцию грузовики для нужд государственного сектора. При этом признавалось право этих фирм продавать импортируемые грузовики государственным организациям по очень высоким ценам. В. Коч выступал также как агент Карабюкского комбината, закупал кокс и продавал его этому комбинату⁶⁶.

Механизм этих сделок был несложен. Если какой-либо государственной экономической организации необходимо было купить за границей оборудование, она привлекала частную агентскую фирму. Последняя (если на торгах именно она предложила лучшие условия от имени иностранной фирмы) и проводила все операции по ввозу оборудования для соответствующих государственных организаций. Агентской фирме оплачивались стоимость сделки плюс комиссионные. Тот же принцип существовал и при строительстве государством железных и шоссейных дорог, гидростанций и других объектов.

Следует отметить, что различия в условиях деятельности между частным капиталом и госсектором Турции определялись и тем, что предприятия частных компаний, даже крупные, уступали государственным по численности рабочей силы, технической оснащенности, качеству производимых изделий и т. п. Государственный сектор имел более широкие возможности найти необходимые средства для капиталовложений, чем частные предприниматели. Естественно, последние использовали все каналы, чтобы добиться равных прав с госсектором.

Изменилось и положение инациональной буржуазии. До сороковых годов она в определенной мере могла противостоять турецкой национальной буржуазии, постепенно набиравшей силу.

Однако вторая мировая война создала исключительно благоприятные условия для окончательного вытеснения или поглощения инациональной буржуазии из экономики страны. В условиях войны давление извне также не было бы в состоянии противостоять чрезвычайным мерам турецких властей, предпринятым в отношении собственности инациональной буржуазии. В результате, 11 ноября 1942 г. был принят закон о налоге на имущество⁶⁷, согласно которому налогоплательщик подвергались крупные землевладельцы, владельцы домов и земельных участков, торговцы, комиссионеры, маклеры и т. п. Налогоплательщики были обязаны выплатить этот налог в течение 15 суток. В противном случае они могли быть направлены в любой район страны на принудительные работы. Цели этого чрезвычайного закона ясны: взыскать дополнительный источник для покрытия разбухающих военных расхо-

дов, раз и навсегда покончить с конкуренцией инациональной буржуазии, вытеснить ее из экономики и тем самым обеспечить еще более широкие возможности для своего развития.

Еще до обсуждения закона в меджлисе в некоторых кругах страны стало известно, что правительство подготавливает законопроект, направленный против инациональной буржуазии. Примечательна беседа двух журналистов—Н. Садака⁶⁸ из газеты «Акшам» и Х. Т. Уса из газеты «Вакит». Когда Н. Садак выразил свою озабоченность по поводу того, что обложение буржуазии налогом отрицательно скажется на ее развитии, Х. Т. Ус пояснил, что, как он осведомлен из достоверных источников, этот закон будет направлен против национальных меньшинств, а что касается турецких предпринимателей, то их интересы будут защищены⁶⁹.

Очевидна националистическая окраска этого закона. Неоднократные демагогические высказывания представителей властей о том, что члены турецкого общества равны перед законом, вновь на проверку оказались фальшивыми. О дискриминационной политике турецких властей свидетельствует и содержание соответствующей инструкции по налогообложению, согласно которой налогоплательщики разделялись на группы мусульман и немусульман⁷⁰. Затем были выделены еще две группы, куда вошли дёнме (еврей-мусульмане) и иностранцы. Для всех групп устанавливались различные размеры налогообложения. Английский автор Б. Льюис пишет, что дёнме должны были платить в два раза больше, чем мусульмане, а немусульмане—в десять и более раз⁷¹.

В условиях произвола турецких властей торговец-турок должен был платить 4,74 % своего годового дохода, грек—150 %, еврей—179 %, армянин—232 %, т. е. греки, по сравнению с турками, платили больше в 31 раз, еврей—в 36, а армяне—в 47 раз⁷².

Различные любители легкой наживы, спекулянты, нечистые на руку должностные лица стремились воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы приумножить свои богатства. Наблюдались случаи злоупотреблений со стороны чиновников, ответственных за проведение в жизнь закона. Например, один из членов налоговой комиссии понизил налог на представителя инациональной буржуазии, а впоследствии стал его компаньоном. Были мусульмане, которые входили в сделки с представителями инациональной буржуазии, выдавали себя за компаньонов и добивались сокращения размера налога. Такими делами занимался, например, Захит-бей, тесть премьер-министра Ш. Сараджоглу⁷³. И компании Вехби Қоча «удалось» снизить налоговую сумму—с миллиона до 600 тыс. лир⁷⁴. Самый высокий налог заплатила фирма «Барзылай и Бенджамен». Эти два торговца стали богачами после того, как оставили службу в «Обществе электричества» и стали заниматься транспортировкой угля. По данным Ф. Окте, эта фирма заплатила

около 1,7 млн. лир. Среди дёнме, заплативших налог в сумме миллион лир, находились также братья Безмен, братья Бурла и др.⁷⁵.

Таким образом применение налога на имущество нанесло чувствительный удар по позициям инациональной буржуазии: значительная часть ее обанкротилась, другая—покинула Турцию. Однако некоторые предприниматели сумели восстановить и даже укрепить свои позиции. Закон о налоге на имущество действовал в стране до марта 1944 г., после чего был отменен⁷⁶. Пытаясь привлечь буржуазию нацменьшинств на свою сторону, лидеры оппозиционной Демократической партии выступили в роли критиков налога на имущество. Один из основателей ДП Джелял Баяр заявил, что закон плохо подготовлен, неудачно проводится и его партия решительно против всяких подобных законов⁷⁷. Демократическая партия долгое время использовала закон о налоге на имущество в политической борьбе против Народно-республиканской партии⁷⁸.

Можно утверждать, что применение закона на имущество стало в рассматриваемый период одним из важнейших «способов» накопления капитала в руках национальной буржуазии. Следует отметить также, что турецкая буржуазия не в первый раз прибегает к административным мерам в борьбе с инациональной буржуазией. Можно даже утверждать, что это является одной из особенностей развития турецкой национальной буржуазии.

Что же касается иностранного капитала, то национальная буржуазия Турции вела против него двойственную политику. С одной стороны, она была заинтересована в ослаблении его позиций в экономике во имя укрепления собственных, с другой—нехватка финансовых средств заставляла прибегать к помощи иностранного капитала. Национальная буржуазия в борьбе с иностранным капиталом, опираясь на политическую силу и власть, использовала в качестве влиятельного средства госсектор и путем национализации, налогообложения, таможенными пошлинами и т. п. всячески оберегала и защищала свои интересы.

После объявления республики турецкие власти вели политику постепенной ликвидации влияния иностранного капитала и до 1944 г., как подчеркивают турецкие авторы, никаких существенных поступлений извне не было⁷⁹. Однако после второй мировой войны национальная буржуазия Турции стала проявлять интерес к расширению связей с империалистическими монополиями, особенно с США. Стремление национальной буржуазии сотрудничать с деловыми кругами Америки совпало с желанием империалистических кругов этой страны, которые уже давно хотели поставить Турцию под свой контроль, милитаризовать страну и превратить ее в военный плацдарм против СССР и национально-освободительных дви-

жений в этом регионе. Одним из актов сближения двух государств стало соглашение по «докрине Трумэна», заключенное между ними в июле 1947 г. Договор положил начало проникновению американского империализма в страну. В результате подписания этого договора Турция получила от США военную помощь в сумме 100 млн. долларов⁸⁰.

Вслед за этим договором, в июле 1948 г. между двумя государствами было заключено соглашение по «плану Маршалла» об экономическом сотрудничестве. Турецкие власти надеялись на помощь в сумме 615 млн. долл., однако США не пошли на столь щедрое финансирование. Турция смогла получить за 1949—1950 гг. лишь 180 млн. долларов⁸¹.

Следует отметить, что США не стремились развивать турецкую промышленность, им выгодно было иметь Турцию в качестве сельскохозяйственной страны. Такая политика мотивировалась тем, что Европа вышла из войны разрушенной и испытывала нужду в продовольствии и сырье. Поэтому включение Турции в «план Маршалла» было обусловлено тем, что она должна была стать продовольственной и сырьевой базой Европы. Что же касается промышленных изделий, то Турция может их ввозить из Европы⁸².

Фактически Турция должна была превратиться в продовольственную и сырьевую базу Запада. Страну все чаще стали посещать иностранные специалисты, которые затем давали рекомендации своим властям относительно турецкой экономики. Например, американский специалист М. В. Торнбург в своем отчете рекомендовал положить конец политике этатизма в Турции, ликвидировать Карабюкский металлургический комбинат, не строить заводов и фабрик, считая, что все, в чем нуждается страна, она получит от США⁸³. Торнбург был даже против предоставления турецкому правительству кредитов на приобретение судов, поскольку это якобы противоречит интересам местных и иностранных предпринимателей. По мнению заокеанского специалиста, самое лучшее, что могло сделать турецкое правительство,—это принять закон, признающий равные права за иностранным и местным капиталом. Кроме того, Торнбург рекомендовал открыть отделения американских страховых обществ и банков, а турецкому правительству использовать услуги специалистов, выбранных американскими консультационными фирмами и т. д.⁸⁴

После второй мировой войны Турцию посетила также комиссия Международного банка реконструкции и развития, которая в итоге своей миссии подготовила отчет. Комиссия рекомендовала министру сельского хозяйства всемерно содействовать росту сельскохозяйственного производства, а также обратить внимание на подготовку соответствующих кадров, в том числе за границей. Ин-

тересы индустриального развития страны, по мнению комиссии, требовали обратить внимание руководителей Турции на следующие важнейшие сферы: агропромышленные группы, производство несложных механизмов, инструментов, строительных материалов, минеральных веществ, деревообработку, керамическое и гончарное производство, столярное дело и т. п.⁸⁵ Эта комиссия, как и прочие, посещавшие Турцию, считала, что стране не нужно иметь тяжелой промышленности. Исходя из интересов частного предпринимательства, она рекомендовала правительству: более четко устанавливать сферы государственного вмешательства в промышленность, горное дело, торговлю; обеспечивать равные права государственному и частному секторам; устранить ограничения на иностранные частные капиталовложения и создавать благоприятные условия для их развития.

Нужно отметить, что все иностранные комиссии, посетившие Турцию, отражая интересы частного местного и иностранного капитала, стремились ликвидировать этатизм и обеспечить широкие возможности для укрепления и развития частного капитала. Кстати, даже президенты США Г. Трумэн и Д. Эйзенхауэр, выражая интересы деловых кругов Америки, стремились внушить турецкому правительству, что одним из условий получения Турцией американской «помощи» является предоставление иностранному капиталу свободы действий⁸⁶.

Турецкие власти пошли на серьезные уступки, приняв в мае 1947 г. решение о поощрении иностранного частного капитала в стране. Этим решением впервые за республиканский период правительство поощряло поступление иностранного капитала, причем разрешалось ввозить в страну капитал и в виде валюты. Иностранный капитал получил право делать вложения в те сферы промышленности, сельского хозяйства, общественных работ, которые будут считаться полезными для развития страны. В марте 1950 г. турецким меджлисом был принят первый закон (№ 5567) о поощрении иностранного капитала и частных капиталовложений⁸⁷.

Однако эти поощрительные меры турецкого правительства пока полностью не удовлетворяли представителей иностранного частного капитала, поскольку ограничивали вывоз прибылей и вложенного капитала.

В годы второй мировой войны иностранные капиталовложения в Турцию были скромными. Например, частные американские вложения составили в 1950 г. всего 33 млн. долларов⁸⁸.

В эти годы в стране уже существовали сотни турецких фирм, выполнявших роль торговых агентов иностранных фирм—американских, английских, швейцарских и др. Постепенное проникновение иностранного капитала в страну началось именно через эту агентуру. Еще в разгар второй мировой войны некоторые деловые

люди Турции предчувствовали, что Германия в войне потерпит поражение. Среди них был и Вехби Коч, являвшийся торговым агентом некоторых иностранных фирм. Стремясь опередить своих конкурентов, Коч отправил в США своего представителя, которому удалось установить связь с американскими компаниями, а затем получить представительство таких крупных фирм, как «Дженерал электрик», «Ю. С. Раббер», «Оливер», «Барроуз», «Йорк». Сразу же после окончания второй мировой войны В. Коч сам отправился в Америку, где встретился с деловыми людьми США. После встречи с руководителями фирмы «Дженерал электрик» было решено создать первое американско-турецкое смешанное общество («Дженерал электрик ТАШ»), которое приступило к постройке электростанционного завода недалеко от Стамбула⁸⁸. 60 % акций «Дженерал электрик ТАШ» принадлежало американской фирме «Дженерал электрик», 25 % — Деловому банку и 15 % — В. Кочу⁸⁹. В 1950 г. строительство завода было закончено. В том же году была основана смешанная компания «Юнилевер иш тюрк л-д Ш», в которой 80 % капитала принадлежало англо-голландскому тресту «Юнилевер» и 20 % — Деловому банку. Компания построила крупный завод по производству растительного масла и маргарина⁹¹.

Американские деловые люди использовали в своих интересах даже своих дипломатов в Турции. Например, посол США в Турции Мак Джей в те годы открыто говорил о том, что он является не послом американского народа и правительства, а представителем американских деловых людей⁹². Находясь в Турции, Мак Джей многое сделал для американских нефтяных фирм: по возвращении в США, за исключительные заслуги, он был назначен на новый, более высокий пост с жалованьем, в 15—20 раз превышающим должностной оклад послов⁹³. После второй мировой войны американский капитал стал все шире проникать в горнодобывающую промышленность Турции. В 1947 г. между турецкими геологоразведочным институтом и американской фирмой «Дрилинг энд эксплотейшн компани» было заключено соглашение на разведку нефти и угля в Турции. Фактически в руки американского капитала было передано не только руководство этим институтом, но и монопольное право на разведку естественных богатств страны. Подобное право имела также американская компания «Юнайтед джеофизикал компани». А в ноябре 1947 г. Этибанк, заключив соглашение с одной американской фирмой, предоставил ей право провести ряд мер по повышению эффективности добычи свинца, железа, серы и других полезных ископаемых в районах Болкардага, Кебана, Кечибурлу и Гююшлю⁹⁴.

В те годы значительно увеличились американские частные инвестиции. В 1950 г. их общая сумма в Турции составляла 16 млн.

долларов⁹⁵. Официальная статистика свидетельствует, что после принятия плана Маршалла и закона Трумэна и введения турецкими властями упомянутых поощрительных законов резко увеличился ввоз в страну американских товаров. Так, импорт Турции из США в 1939 г. составлял около 11,7 млн. лир, в 1945 г.—22,2 млн., в 1951 г.—уже 135,4 млн. лир.

После поражения Германии во второй мировой войне ее позиции в турецкой экономике были сильно подорваны. Однако уже через два—три года наметилось значительное оживление в торговых отношениях, и вскоре экспорт Германии в Турцию опередил ввоз из США. Так, если в 1939 г. импорт Турции из фашистской Германии составлял около 60,1 млн. лир, то вывоз из Западной Германии уже в 1951 г. достиг 256,7 млн. лир и превысил импорт из США на 121,3 млн. лир⁹⁶. В апреле 1948 г. был заключен первый торговый договор между Турцией и французской оккупационной зоной Западной Германии⁹⁷. Турцию все чаще стали посещать представители западногерманского капитала. В числе прибывших в 1951 г. были директор Торговой палаты Мюллер, торговый советник бывшего немецкого посольства Шенке, бывший директор германского банка Вейдеман и др. Один за другим в Турции стали открываться филиалы западногерманских банков. «Рейниш Вестфалише», «Норддойче» и «Зюддойче» открыли в Стамбуле общий филиал. Их примеру последовали «Дрезденер банк», «Гамбургер кредит», «Рейн—Майн», «Рейн-Рур» и «Банк фюр хандель унд индустри»⁹⁸.

После США и Западной Германии в импорте Турции важную роль играли Англия и Франция. Например, если импорт Турции из Англии в 1945 г. составлял около 29,4 млн. лир, то в 1951 г. он достиг 130,3 млн. Ввоз из Франции с 1,2 млн. лир в 1945 г. достиг около 62,6 млн. в 1951 г.⁹⁹

Таким образом, турецкая национальная буржуазия, разбогатев в годы второй мировой войны, стала активно поощрять ввоз иностранного капитала, резко увеличила закупки товаров в странах Запада и все более придерживалась политики либерализации внешнеторговых связей с империалистическими государствами, в первую очередь—с Соединенными Штатами. В этой либерализации экономических связей Турции значительную роль сыграли также западные державы, которые, со своей стороны, хотели превратить Турцию в зависимую от них страну, использовать ее материальные и людские ресурсы в своих интересах. На наш взгляд, полностью применима к турецкой крупной буржуазии того периода характеристика, данная ведущими советскими востоковедами: «...Местный развитый капитал, связанный с империализмом и феодализмом (или с иными способами докапиталистической эксплуатации) и одновременно стиснутый ими, эволюционирует качественно отлич-

но от западного капитала в соответствующую историческую эпоху. По сравнению с последним развитие первого идет уродливо и односторонне»¹⁰⁰.

ГЛАВА II

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ.

1. ПРОБЛЕМА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Низкий уровень промышленного развития Турции принуждал национальную буржуазию страны серьезно задуматься над разрешением экономических проблем. Она выступала за индустриализацию страны, поскольку хорошо понимала: чтобы вывести страну из экономической отсталости, нужны конкретные меры. Капиталистические страны, как правило, начинают индустриализацию с отраслей легкой промышленности. Это объясняется, во-первых, тем, что капитал в легкой промышленности быстрее оборачивается, обеспечивая за короткое время большие прибыли; во-вторых, для развития легкой промышленности не требуется больших капиталовложений. И лишь после того, как с помощью легкой промышленности накоплен значительный капитал, начинается второй этап, т. е. этап развития тяжелой индустрии.

Турецкий экономист Халюк Джиллов, говоря о важности проведения политики индустриализации, отмечает, что, во-первых, благодаря индустриализации часть потребностей в промышленной продукции покрывается за счет внутреннего производства и, таким образом, экономится валюта, а увеличение экспорта дает еще один важный источник доходов. Во-вторых, более высокая по сравнению с сельским хозяйством производительность в промышленности позволяет увеличить национальное производство и тем самым уровень доходов. В-третьих, индустриализация придает устойчивость национальному доходу, который во многом определяется сельскохозяйственными доходами, зависящими от природных условий¹.

Турецкие власти для индустриализации страны могли использовать такие важные источники накопления, как налоги, прибыли предприятий госсектора, земельную ренту и т. п., однако значительная часть этих доходов была использована для военных целей.

Правящие круги Турции еще в 30-е годы стремились разработать планы развития экономики. Как известно, первый пятилетний план Турции охватывал 1934—1938 гг. и преследовал цель развития промышленности, в основном легкой. Вскоре после первого

пятилетнего плана был разработан второй, однако мировая война помешала его проведению в жизнь. Заявления турецких властей свидетельствовали о том, что они не собирались тормозить развитие экономики в годы войны. Как следует из выступления премьер-министра Ш. Сараджоглу от 5 августа 1942 г., правительство намерено было использовать все свои возможности для развития пищевой, текстильной, кожевенной и военной промышленности, не прибегая к помощи иностранных государств². Два года спустя правительство отдало распоряжение о подготовке плана развития экономики на послевоенный период. Для осуществления этой цели была создана специальная комиссия по планированию, которой руководили министры финансов, экономики, торговли и сельского хозяйства—Нуруллах Сюмер, Фуад Сирмен, Джежалл Сирен и Шевкет Хатипоглу³. После года работы, в мае 1945 г., комиссией был подготовлен специальный доклад, отражавший основные принципы плана развития. План индустриализации предусматривал перевод сельского хозяйства на более прогрессивный путь развития, что обеспечило бы в свою очередь промышленность страны необходимым сырьем⁴.

Одной из важнейших задач, стоящих перед национальной буржуазией, являлась финансовая проблема—ведь для проведения индустриализации требовались значительные капитальные накопления. В июне 1946 г. в законодательном порядке было признано целесообразным выпустить для развития экономики внутренний заем на сумму 150 млн. лир. Министерством финансов были распространены в стране облигации на 130 млн. лир⁵.

Однако вскоре турецкая национальная буржуазия убедилась, что только своими внутренними силами она не в состоянии осуществить намеченный план. Финансовые затруднения объяснялись не только отсталостью страны, но и тем, что деловые люди предпочитали вкладывать капитал не в промышленность, а в торговлю. Часть же предпринимателей вообще переводила свои капиталы в иностранные банки.

Х. Джиллов считает, что с 1930-х годов основными факторами, сдерживавшими индустриализацию страны, являлись: недостаток средств; отсутствие организаций, обеспечивающих долгосрочные кредиты; узость внутреннего рынка; низкий уровень производительности труда; дороговизна транспорта; высокая стоимость электроэнергии и т. д.⁶.

Правительство, стремясь обойти препятствия, стоящие на пути индустриализации, готово было прибегнуть к иностранным кредитам. Это нашло свое отражение в программе Народно-республиканской партии, утвержденной в 1947 г. Так, отмечалась необходимость развития и поощрения индустриализации (ст. 60), важность развития в стране пищевой, текстильной, горнодобывающей

промышленности, энергетики (ст. 61) с использованием иностранного капитала⁷.

Министр финансов в правительстве Р. Пекера Халит Назми Кешмир, говоря об усилиях по созданию плана экономического развития страны, отметил, что для финансирования подобной программы Турция, несомненно, испытывает нужду во внешнем долгосрочном кредите⁸.

Однако западные страны, исходя из собственных интересов, не собирались предоставлять Турции необходимые кредиты с низкими годовыми процентами. Они не были заинтересованы в развитии турецкой тяжелой промышленности, так как видели Турцию всего лишь в качестве импортера. Турецкие власти вынуждены были пойти на уступки и приступили к подготовке нового плана развития, но уже без отраслей тяжелой индустрии. Правительство Р. Пекера в начале 1947 г. предложило подготовку плана главному советнику министерства экономики Кемалю Сулейману Ванеру. В состав комиссии входили известные экономисты, значительную часть которых составляли члены турецкого экономического общества⁹. Для получения кредитов Турция обратилась также к международным организациям, в том числе и к Банку реконструкции и развития. В то же время в поисках внешних средств правительство стремилось привлечь в страну иностранный частный капитал¹⁰.

Судя по всему, национальная буржуазия большие надежды связывала с планом Маршалла, намереваясь существенную часть помощи получать от США. Однако впоследствии Соединенные Штаты отказались предоставить кредит, мотивируя свое решение тем, что у Турции достаточные запасы валюты и золота¹¹. Подобное решение вынудило турецкие власти связать перспективы экономического развития страны с реальными возможностями национального капитала.

5 ноября 1947 г. работы над планом развития были завершены. План содержал следующие разделы: сельское хозяйство; транспорт; крупные водно-энергетические сооружения; энергетика; металлургия; производство цемента; горнодобывающая промышленность; обрабатывающая промышленность. Для осуществления намеченных целей предусматривались финансовые вложения в сумму 3,7 млрд. лир.

По этому плану на развитие легких отраслей обрабатывающей промышленности предназначалось всего лишь 14,1 % всех капиталовложений¹². Предусматривалось строительство текстильных фабрик в Бақыркёе, Адане, комбината ситца в Измире, фабрики швейных ниток в Эрегли, двух хлопкоочистительных фабрик в Эгейском районе и пяти фабрик в Чукурове, двух фабрик по обработке конопляного волокна и сахарного завода в Адане¹³.

План развития страны предполагалось осуществить в 1948—1952 гг. Ведущее место, как было показано выше, было уделено сельскому хозяйству, в частности развитию технических культур. Было намечено увеличить, например, производство хлопка с 60 до 90 тыс. тонн; производство конопля с 15 до 52 тыс. т, приобрести 3700 новых тракторов¹⁴. Предусматривалось соорудить железные дороги протяженностью 1600 км с капиталовложением 1,65 млрд. лир, а также израсходовать 266 млн. лир на строительство шоссе- ских дорог и мостов¹⁵.

В остальных разделах плана были намечены следующие изменения: в энергетике производство каменного угля с 2444 тыс. т в 1946 г. довести до 4300 тыс. т в 1952 г., в добывающей промышленности планировалось довести добычу хрома в 1952 г. до 155 тыс. т, против 89 тыс. т в 1946 г., а добычу меди—до 24,7 тыс. т в 1952 г. против 10 тыс. т в 1946 г. и т. д. Капиталовложения в металлургию были весьма скромными¹⁶.

Правительства менялись, а проблемы развития экономики так и оставались нерешенными. В своих официальных программах власти выдавали себя за приверженцев осуществления плана развития, при этом не теряли надежд получить от западных стран кредиты. Так, премьер-министр Хасан Сака в правительственной программе от 8 июня 1948 г. отметил, что для осуществления плана развития экономики он намеревается использовать не только внутренние финансовые возможности, но и иностранные кредиты. Касаясь вопроса иностранных кредитов, премьер-министр отметил, что в этом деле предпринимаются ответственные меры и что скоро будут достигнуты положительные результаты¹⁷. Однако обещания Хасан Сака остались невыполненными. Пришедшее ему на смену правительство Шемседдина Гюналтая 16 января 1949 г. в своей программе относительно плана развития заявило, что сельское хозяйство страны должно развиваться ускоренными темпами, что обеспечит национальную индустрию необходимыми материалами, укрепит валютные источники и станет основой экономического развития. Ш. Гюналтай отметил, что правительство из собственных финансовых возможностей намерено планомерно оснащать шахты современной техникой, добиться их рационального действия и тем самым растущее производство каменного угля использовать в качестве источника валюты. При этом новый премьер-министр американскую «помощь» считал главной поддержкой в делах развития и увеличения производственной продукции страны¹⁸.

Однако, как показали дальнейшие события, надежды турецких властей получить американские кредиты пока не сбывались—осуществление плана развития за 1948—1952 гг. осталось на бумаге. США не предоставили кредитов для развития турецкой национальной промышленности, государственного сектора. Они всячески

стремились создавать препятствия на пути этого развития, принуждая турецкое правительство обеспечить свободную деятельность иностранного частного капитала.

Помимо вышеуказанных факторов, отрицательно действовавших на турецкую экономику, определенную роль по-видимому, сыграла и неустойчивость политической жизни страны. Только за 1946—1950 гг. друг друга сменили пять правительств¹⁹.

Необходимо подчеркнуть, что государственное вмешательство в хозяйственную жизнь носило сугубо прагматический характер, было вынужденным и во многом объяснялось нежеланием, а чаще неспособностью частного капитала обеспечить экономический подъем страны.

Несмотря на политику турецкого правительства, государственные предприятия, как показывает статистика, были более крупными, чем частные. Так, если в те годы на одно государственное предприятие приходилось в среднем 739 человек, то на частное—38²⁰. В так называемой «крупной» частной промышленности, т. е. попросту цензовой, доля наемного труда не превышала 60 %, в значительной степени еще сохранялся труд членов семей. В 1950 г. в обрабатывающей промышленности, например, в частном секторе насчитывалось свыше 82 тыс. «цензовых» предприятий с 259,5 тыс. работниками²¹. Среди них 154,7 тыс. человек составляли наемные рабочие, а 104,8 тыс. в качестве членов семей работали без жалования.

Как известно, еще в 30-х годах в Турции были учреждены две самые крупные, по турецким масштабам, государственные экономические организации—Сумербанк и Этибанк, в руки которых перешли основные государственные предприятия. Размеры их капиталовложений в промышленности могут дать представление об участии государства в развитии промышленности страны. Так, в 1940—1945 гг. государство по линии Сумербанка и Этибанка ежегодно инвестировало в промышленность 10,8 млн. лир. Это свидетельствует о том, что в годы войны оно уменьшило капиталовложения в промышленность, поскольку в довоенный период среднегодовые капиталовложения этих банков составляли 15 млн. лир²².

Турецкие предприниматели после второй мировой войны увеличили свои вклады в промышленность. Так, доля капиталовложений частного сектора в промышленность достигла к 1949 г. 600 млн. лир²³. Постепенно увеличивалось число государственных и частных фирм. В 1950 г. в обрабатывающей промышленности действовало 2515 частных и 103 государственных фирм²⁴. В целом следует считать, что меры, принятые турецкими властями с целью индустриализации страны, оказались недостаточными и не дали положительных результатов. Если и имелись некоторые сдвиги, то они были весьма скромными и относились к послевоенным 1945—1950 гг.,

когда общий индекс промышленного производства вырос на 22,6 %, т. е. средний годовой прирост составил около 4 %²⁵.

К аналогичному мнению приходит и В. П. Смирнов. Он отмечает, что в годы второй мировой войны и в первые послевоенные годы существенных структурных изменений не произошло, поскольку по стоимости произведенной продукции первое и второе места занимали пищевая и текстильная промышленность, дающие 60,8 % всей промышленной продукции Турции, стоимость же продукции, произведенной металлургической, машиностроительной и металлообрабатывающей промышленностью—лишь 9,1 %²⁶.

Национальная буржуазия Турции так и не смогла найти конкретные пути по разрешению такого важного вопроса, как индустриализация страны. Местная промышленность по-прежнему лишь частично удовлетворяла потребности страны, а многие важные промышленные товары Турция вынуждена была импортировать.

2. АГРАРНЫЙ ВОПРОС

Сельское хозяйство Турции—основная отрасль экономики страны. Подавляющая часть самодеятельного населения занята в этой отрасли. В 1940 г. на нее приходилось 62,4 %; в 1945 г.—65,6; в 1950 г.—61,7 %²⁷. Доля сельского хозяйства в национальном доходе в 1938 г. составляла 55,6 %, в 1948 г.—53,2, в 1950 г.—50,0 %²⁸. Сельское хозяйство играет важную роль также во внешней торговле. В 1939 г. 88,2 % экспорта составили сельскохозяйственные продукты, а в 1950 г. даже 93,0 %²⁹. Но все же сельское хозяйство было и остается отсталой отраслью экономики. Оно велось на крайне слабой технической основе. Обработка земли осуществлялась почти исключительно примитивными ручными орудиями—деревянной сохой, простейшим железным плугом с использованием живой тяговой силы. Число используемых в сельском хозяйстве тракторов было незначительно: в 1944 г., например, их насчитывалось всего 956 штук³⁰.

Долгие годы в Турции шел процесс обезземеливания крестьянства, особенно ускорившийся в годы второй мировой войны. Наряду с этим происходила концентрация земель в руках помещиков и ростовщиков. Так, например, помещичьи семьи, владевшие земельным участком более 500 денюмов³¹ и составлявшие 1,5 % землевладельцев, держали в своих руках одну четвертую часть всех обрабатываемых земель страны. В то же время семьи, имеющие до 75 денюмов, составляли 75,5 %, т. е. три четверти всех землевладельцев, владели лишь 29,4 % обрабатываемых земель³².

Землевладельцы постепенно расширяли размеры своих владений за счет крестьянских, государственных и общинных земель.

Однако, захватывая земли, они часто не вели хозяйства. Как правило, помещики использовали свою землю для выжимания из крестьян арендной платы. В условиях отсталой экономики, наличия феодальных пережитков, обеспечивающих полуфеодалную эксплуатацию крестьянства, сдача земли в аренду мелкими участками являлась наиболее выгодным методом получения землевладельцами огромных доходов. Издольщина издавна являлась самой распространенной формой ведения хозяйства.

В турецких деревнях значительное влияние имели ростовщики. Они безудержно эксплуатировали крестьянское хозяйство, нуждавшееся в кредите и одновременно являлись торговцами, часто посредниками закупочно-сбытовых фирм. Турецкий крестьянин притеснялся и как продавец сельскохозяйственной продукции и как покупатель промышленных товаров. Используя огромную разницу между ценами на местном сельском и городском рынках, они зарабатывали большие суммы.

Несмотря на то, что в Турции перед войной насчитывалось около полумиллиона безземельных крестьянских семей и 773 тыс. малоземельных хозяйств, турецкое правительство долгое время игнорировало аграрный вопрос в стране³³ и не принимало по нему серьезных решений.

Проведение аграрной реформы власти пытались подменить второстепенными мерами. Так, в декабре 1937 г. И. Иненю заявил о намерении правительства «создать сельскохозяйственные объединения (комбинаты), которые будут планомерно оснащаться новыми орудиями, сельскохозяйственной техникой и средствами орошения. И. Иненю вынужден был признать, что в Турции «безземельных крестьян больше, чем можно было это представить»³⁴.

Необходимость какого-то решения аграрного вопроса стала очевидной в 40-х годах, ввиду угрозы снижения сельскохозяйственного производства и активизации крестьянских выступлений. В одном из своих заявлений министр сельского хозяйства Ш. Хатипоглу специально говорил о крупных помещиках, которые жили в городах и не обрабатывали свои земли, а также о тех землевладельцах, которые не занимались земледелием, не стремились вкладывать свои капиталы в землю, обеспечивая свои частные интересы через издольщину. Он отметил при этом: «Мы не согласны с тем, чтобы земли остались без капиталов и техники и чтобы они использовались только благодаря труду издольщиков. В нашей стране помещики будут иметь свои права на землю только тогда, когда они будут должным образом обрабатывать свои земли и вкладывать капиталы в землю; с другой стороны, если кто-либо захочет заниматься земледелием, он сможет стать землевладельцем»³⁵.

Подобные высказывания и связанные с ним практические шаги властей, несомненно, отражали стремление турецкой националь-

ной буржуазии, преимущественно торговой, создать благоприятные условия для развития капиталистического производства и увеличения товарности сельского хозяйства, развития внутреннего и внешнего товарооборота. Однако те представители господствующих классов, которые были связаны с помещичьим землевладением, всячески препятствовали такого рода мерам. Национальная буржуазия хорошо понимала, что создание самостоятельной экономики невозможно без упразднения технико-экономической отсталости, без коренных аграрных преобразований в деревне. Необходимость капиталистических преобразований в сельскохозяйственном производстве страны, повышения товарности вытекала, во-первых, из того, что оно являлось источником существования основной массы населения. Во-вторых, эта важность определялась и той ролью, которую играла сельскохозяйственная продукция во внешней торговле страны. Ведь экспорт для Турции всегда являлся важным источником валютных поступлений. В-третьих, преобразования в сельском хозяйстве определялись также растущей ролью сельского хозяйства, как поставщика сырья для турецкой промышленности.

Но если, с одной стороны, национальная буржуазия была заинтересована в решении аграрного вопроса, ликвидации феодальных и полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве, сковывающих развитие производительных сил в городе и деревне, служащих основой общей социально-экономической отсталости страны, то, с другой стороны, буржуазия была связана и с землей, вкладывала капиталы в приобретение земли и искала поддержки феодальной верхушки в борьбе против крестьян. В свою очередь, крупные помещики часть своих накоплений стремились вкладывать в торговлю, подряды, в промышленность и т. п. В крупных городах находились фабрики, гостиницы, торговые агентства, рестораны, склады, хозяевами которых были землевладельцы³⁶.

Таким образом, интересы помещиков и буржуазии часто совпадали. Поэтому турецкая буржуазия не желала осуществления радикальных мер в сельском хозяйстве, надеясь удовлетворить интересы крестьянства второстепенными мерами. Буржуазия таким образом в известной мере сохраняла помещичий класс в качестве своего союзника против крестьянских масс.

Буржуазные аграрные реформы, как известно, осуществляют-ся и за счет разорения крестьянства, и за счет ликвидации помещичьего класса. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Останется помещичья земельная собственность за помещиками или перейдет к крестьянам? Если останется за помещиками,—останутся отработки и кабала. Останется нужда и постоянные голодовки миллионов крестьян. Муки медленного вымирания от голода—вот что озна-

чает для крестьян сохранение помещичьей земельной собственности»³⁷.

В Турции аграрную реформу проводили имущие классы и, естественно, они не шли на такие преобразования, которые не отвечали их интересам. Поэтому решался этот вопрос за счет крестьянства.

Закон о земельной реформе Турции 1945 г. был принят меджлисом 11 июня 1945 г.³⁸ Закон содержал 66 статей и 8 частей. Первая статья провозглашала цели закона: передать малоземельным и безземельным крестьянам и лицам, желающим заниматься сельским хозяйством такое количество земли, которое хватило бы лишь для того, чтобы прокормить крестьянина и его семью. В статье намечалось также обеспечить крестьян необходимыми средствами производства, основным и оборотным капиталом. Основной капитал предусматривалось предоставить сроком на 25 лет, с 5 % годовых, что предназначалось для создания и развития хозяйств, а для оборотного капитала предусматривались кредиты сроком на три года для обеспечения годового производства. Кредиты на оборотный капитал компенсировались годовым урожаем (ст. 47). Чтобы обеспечивать земледельцев капиталом, при Сельскохозяйственном банке был основан специальный фонд, дающий право открывать кредиты с 5 % годовых.

Закон обязывал земледельцев обрабатывать свои земли, не обработанные в течение трех лет участки подлежали отчуждению и передаче безземельным и малоземельным крестьянам. Эта статья не распространялась на земли, которые находятся под паром, под зябью или хозяева которых несут военную службу и т. п. (ст. 7, 14).

Анализ статей этого закона показывает, что государственные или принадлежащие частным лицам хозяйства могут остаться неприкосновенными, если они обрабатываются должным образом, несмотря на то, что размеры земель этих хозяйств превышают 5 тыс. денюмов. Следовательно, крупные помещичьи землевладения могли остаться вне отчуждений.

В числе неотчужденных земель входили и сады. Это означало, как справедливо пишет Б. М. Данциг, что подавляющая часть помещичьих и крупных кулацких хозяйств не подлежала отчуждению³⁹.

Правящие круги Турции были заинтересованы не в отчуждении помещичьих земель, а лишь стремились заставить помещиков превратить свое полуфеодальное хозяйство в капиталистическое. Такой подход к решению вопроса очевиден из статьи 33, установившей пятилетний срок для определения отчуждаемых земельных участков. Таким образом, эта статья предоставила возможность тем помещикам, которые вели свое хозяйство на полуфеодальной основе, приобрести необходимые средства, стать поме-

щиком-капиталистом и тем самым избежать отчуждения своих земель. Даже при отчуждении помещичьих земель помещики получали денежную компенсацию, размер которой определяла земельная комиссия (ст. 21—23)—факт, свидетельствующий о том, что закон не противоречил интересам помещиков.

При оценке характера аграрной реформы особое место занимает вопрос, как крестьянин получает землю—выкупает или берет ее без выкупа. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Крестьянам только тогда принесет сколько-нибудь серьезную пользу аграрное преобразование, если они получают землю без выкупа»⁴⁰. Исходя из ленинского определения, можно констатировать, что аграрная реформа 1945 г. не принесла сколько-нибудь серьезной пользы. Турецкие крестьяне за полученную землю должны были платить установленный министерствами финансов и сельского хозяйства выкуп. Крестьяне должны были погасить свои долги в течение 20 лет равными долями (ст. 42, 46).

Согласно закону, земли площадью до 500 денюмов считались мелкими хозяйствами, до 5 тыс. денюмов—средними и свыше 5 тыс. денюмов—крупными (ст. 5). Это говорит о стремлении законодателей защищать интересы кулацких хозяйств, владевших участками до 500 денюмов земли, приравнять их к лицам, имевшим 1—2 денюма, которые считались мелкими собственниками.

Наиболее примечательной была 17-я статья закона, направленная против издольной системы. По этой статье земли, обрабатываемые безземельными и малоземельными издольщиками, арендаторами и сельскохозяйственными рабочими (исключая временных), подлежат отчуждению для передачи вышеуказанным лицам. За землевладельцами оставалось право выбирать лучшие земельные участки, в три раза превышающие норму распределения в данном районе, не менее 5 га. 17-я статья,—отмечает П. П. Моисеев,—была в основном направлена против главного феодального пережитка турецкой деревни—издольщины, ограничивая возможности помещика полуфеодалного типа эксплуатировать крестьян старыми методами⁴¹.

Видные представители властей, отражая интересы национальной буржуазии, стремились ограничить издольщину. Так, в одном из своих выступлений министр сельского хозяйства Ш. Р. Хатипоглу признавал, что издольная система не оправдывает себя. Она сковывает экономическое развитие страны, так как крестьянин-арендатор не заинтересован в хорошей работе, во внедрении техники, орошения, поскольку он не уверен, что завтра эти земли помещик не отдаст другим в аренду. А с другой стороны, помещик всегда доволен работой арендатора, так как, все, что остается в его руках от чужого труда, помещик считает выгодой⁴².

Несмотря на то, что земельный закон лишь в какой-то степени затрагивал интересы помещиков, они стали вести активную борьбу против реализации закона, особенно 17-й статьи. В 1947 г. на очередном съезде Народно-республиканская партия (НРП) вынесла решение о запрещении отчуждения помещичьих земельладений⁴³. В этом вопросе очень ярко проявились противоречия между буржуазией и помещичьей прослойкой правящих классов Турции. Проявились также и способы смягчения этих противоречий—взаимные уступки, смягчение формулировок, изменения отдельных, наиболее радикальных положений закона о земельной реформе.

Как отмечает политический деятель Турции Хилми Уран, противники НРП использовали аграрную реформу как оружие против НРП. Они вели активную агитацию среди землевладельцев, в результате чего землевладельцы выступили против НРП⁴⁴. В числе помещиков, недовольных аграрной политикой правительства, находились Дж. Орал, Аднан Мендерес, Эмин Сазак и др., которые впоследствии составили костяк Демократической партии. Так, например, Дж. Орал, который в июне 1948 г. был министром сельского хозяйства, выступая против аграрной реформы, утверждал, что при осуществлении аграрных преобразований не следует увлекаться «крайними идеями», которые принесут якобы ущерб сельскому хозяйству и социальной жизни⁴⁵. Под «крайними идеями» он имел в виду отчуждение земель.—сама мысль об этом казалась ему крамольной. Другой крупный помещик Эмин Сазак считал, что если правительство пойдет на передачу земель крестьянам, это повлечет за собой тяжелые последствия, крестьяне будут требовать новых уступок⁴⁶.

Такой точки зрения придерживался и Аднан Мендерес.

В результате активных действий помещиков правительство Турции 27 марта 1950 г. внесло существенные изменения в закон в пользу помещиков. Была отменена упомянутая выше 17-я статья. А ст. 16-я устанавливала необходимость начать наделы с государственных, вакуфных, неиспользуемых муниципальных земель, с земель свыше 5 тыс. денюмов и после этого—с земель от 2—5 тыс. денюмов, если указанные земли будут недостаточны для наделов. И если по закону 1945 г. министерство сельского хозяйства имело право определять отчуждаемые участки (ст. 18), то после изменения закона 27 марта 1950 г. это право передавалось помещикам. Значительно была увеличена сумма компенсации за отчужденные помещичьи земли⁴⁷.

Эти изменения красноречиво говорят о том, что даже куций закон 1945 г. сильно встревожил помещиков-землевладельцев, и они выступили против аграрных преобразований.

Аграрный закон 1945 г. не дал каких-либо положительных результатов турецкой деревне. В период 1945—1950 гг. в 633 деревнях

32289 крестьянским семействам было передано примерно 149716 га земли. А между тем в Турции тогда насчитывалось 40 тыс. деревень с 2,5 млн. сельских семей. Из этих семей 128 690 были безземельные, а 872830—малоземельные⁴⁸.

Помещичьи землевладения фактически не были тронуты. По-прежнему подавляющее большинство составляли мелкие хозяйства, а горстка помещиков сосредоточила в своих руках большинство земель. По турецким данным, в 1952 г. в стране крупные землевладельцы, владевшие свыше 300 денюмов и составлявшие лишь 3 % землевладельцев, распоряжались землями, которые составляли 32,5 % всех обрабатываемых земель. А лица, владевшие землями от 1 до 150 денюмов и составлявшие 90,7 % землевладельцев, располагали землями, которые составляли только 50,3 % всех обрабатываемых земель⁴⁹.

Попытка правящих кругов Турции провести аграрные преобразования в стране закончились неудачей. Один из активных сторонников аграрного закона, министр сельского хозяйства Ш. Р. Хатипоглу подал в отставку; через некоторое время его сменил крупный помещик, противник аграрного закона Дж. Орал. Этот факт еще раз свидетельствует о том, что национальная буржуазия не была достаточно сильна и помещичий класс имел прочные устои в турецком обществе. После вступления Дж. Орала на пост министра сельского хозяйства стало совершенно очевидно, как будет осуществляться аграрный закон.

Реформа 1945 г. не разрешила аграрную проблему в Турции, поскольку, во-первых, эту реформу провели имущие классы; во-вторых, крестьяне получили земли, в основном не из отчужденных помещичьих земель, а из бесхозных государственных земель; в-третьих, за отчуждение помещики получили щедрую компенсацию от правительства, а турецкие крестьяне, в свою очередь, получили земли не бесплатно, а с выкупом, т. е. становились должниками государства; в-четвертых, средние и крупные помещичьи земли оставались неприкосновенными, если они обрабатывались «должным образом», т. е. капиталистически, и т. д.

Естественно, что даже те крестьяне, которые получали земли, не могли без машин, инвентаря, скота, кредитов и других необходимых средств, вести свое хозяйство. Как показывают факты, потребности землевладельцев в сортовых семенах в 1948 г. были удовлетворены лишь на 17 %, а что касается наличия у земледельцев скота, то 22 % из 2322 тыс. земледельческих семей совсем не имели тяглогового скота⁵⁰. Другой важной проблемой, стоящей перед турецким крестьянином, являлось приобретение сельскохозяйственных кредитов. Этими операциями в Турции занимались Сельскохозяйственный банк и кредитные кооперативы. Однако

Сельскохозяйственный банк выдавал крестьянам только краткосрочные кредиты для приобретения семян, удобрений и т. д. А турецкие крестьяне особенно нуждались в долгосрочных кредитах, что позволило бы им увеличивать сельскохозяйственное производство. Как показывают данные, размеры кредитов Сельскохозяйственного банка постепенно увеличивались. Так, если сельскохозяйственный кредит в 1940 г. составлял лишь 50 млн. лир, в 1948 г.—235, то в 1953 г.—1212 млн. лир⁵¹. Следует отметить, что львиную долю этих кредитов получали помещики и кулаки. Эти кредиты не только использовались помещиками для расширения своего хозяйства, но и превращались в ростовщический капитал. Будучи не в состоянии обрабатывать свои земли, крестьяне часто вынуждены были продавать земли, и в силу этого в турецкой деревне происходило расслоение крестьянства на кулачество, мелкого товаропроизводителя и сельскохозяйственного пролетариата. А турецкая буржуазия рассчитывала на поддержку кулацкого слоя.

Аграрная проблема Турции в целом оставалась нерешенной. Но развитие капитализма в сельском хозяйстве ускорило. Согласно турецким статистическим данным, наблюдался рост площадей под зерновыми культурами. Если в 1934—1938 гг. они составляли 6,3 млн. га, то в 1950 г.—8,2 млн. га. Между тем, если получаемый урожай зерновых культур в 1934—1938 гг. составлял 6,8 млн. тонн, то в 1950 г.—7,8 млн. тонн⁵². Несомненно, что рост посевных площадей зерновых культур и их урожайность в значительной степени определялись тем, что многие помещики применяли капиталистические методы ведения хозяйства. Например, в 1948 г. число тракторов, используемых в сельском хозяйстве страны, увеличилось до двух тыс. штук, против 956 в 1944 г. Импорт же сельскохозяйственных машин в 1947 г. вырос с 8 до 41 млн. лир⁵³. Тем не менее феодальные пережитки, сковывали рост производительных сил в турецкой деревне. Например, всеобщая сельскохозяйственная перепись 1950 г. показала, что из 2,3 млн. крестьянских семей примерно четверть работает на земле в качестве арендаторов или издольщиков⁵⁴.

Таким образом, аграрный вопрос в Турции решался в союзе национальной буржуазии с помещиками на основе взаимных уступок, в результате чего оставались неприкосновенными социальные отношения и сущность политической власти в стране.

3. НАЦИОНАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ И РАБОЧИЙ КЛАСС

Развитие капиталистических отношений в Турции привело к росту численности рабочего класса страны. Основными источниками его формирования являлись обездоленные крестьяне, ремеслен-

ники, а также выходцы из рабочих семей. Низкий уровень развития промышленности Турции определял малочисленность пролетариата. Текстильные, швейные, табачные и пищевые предприятия составляли основу промышленности страны.

Рабочий класс Турции—один из угнетенных, бесправных классов страны. Через долгие годы проволок турецкие власти были вынуждены еще в июне 1936 г. внести в меджлис законопроект о труде (№ 3008), об антирабочем характере которого говорят многие положения этого закона⁵⁵. Так, закон о труде запрещал рабочим создавать свои организации, совместно действовать, пользоваться правом на забастовку. Закон косвенно признавал право работодателей увольнять рабочих с работы⁵⁶. Формально говорилось о восьмичасовом рабочем дне. Следует также добавить, что закон о труде распространялся только на рабочих крупных предприятий, т. е. за рамками закона оказалась большая армия транспортных, сельскохозяйственных рабочих, рабочих ремесленных мастерских и т. д.

Вслед за этим в 1938 г. меджлисом был принят закон об обществах. Этим законом запрещалось организовывать общества, основывавшиеся на семейных, общинных, национальных, классовых и т. п. принципах. Чтобы основать общество, необходимо было получить разрешение от правительства. Как отмечает турецкий автор Аныл Чечен, «после принятия этого закона права по созданию организаций рабочего класса полностью были ограничены»⁵⁷.

Положение рабочего класса еще больше ухудшилось в годы второй мировой войны. «Положение рабочего класса и трудящегося крестьянства,—пишет Р. П. Кондакчян,—усугублялось и тем, что законы военного времени и военное положение, объявленное в шести вилайетах, строго запрещали организацию индивидуального или коллективного протеста против гнета помещиков и буржуазии»⁵⁸. По подсчетам Ю. Н. Розалиева, средняя заработная сумма турецких рабочих колебалась в пределах 60—100 лир в месяц⁵⁹. Мизерность заработной платы по сравнению с дороговизной обусловила низкий жизненный уровень турецкого рабочего.

Национальная буржуазия широко использовала выгодную для себя военную конъюнктуру для обогащения. 18 января 1940 г. был принят закон о национальной защите, что еще более ухудшило и без того тяжелое положение рабочего класса: трудовой день был удлинен на 3 часа, день отдыха был отменен, запрещались прогулы и т. д.⁶⁰ Как отмечает Сертель, в силу этого закона трудовой день составлял 11—12 часов, официально разрешалось использовать в рудниках труд женщин и детей⁶¹. В шахтах Чайдемир рабочий день длился до 16 часов, а на ряде предприятий—до 18 часов⁶². Характерно, что при обсуждении рабочего вопроса в меджлисе никто из

депутатов не выступил в защиту рабочих, а один из них даже воскликнул: «Только на три часа?»⁶³.

Экономическая политика, проводимая турецкими властями в годы второй мировой войны, приводила к ухудшению социального положения трудящихся. Об этом говорит и тот факт, что они не имели средств снимать квартиры, и поэтому широко прибегали к строительству «генджеконду», т. е. в одну ночь строили из случайно добываемых строительных материалов домики и селились в них. «Генджеконду» представляли собой труппы, лишенные элементарных удобств для нормальной жизни. Особенно трудно было там жить зимой—без отопления, электричества, питьевой воды и т. д. В 1950 г. в Турции было примерно 15—20 тыс. «генджеконду»⁶⁴.

Естественно, бедственное положение рабочего класса принуждало его вести борьбу за свои права. И турецкие власти вынуждены были под влиянием растущего рабочего движения в июне 1945 г. учредить министерство труда,—для рассмотрения вопросов рынка труда, выполнения посреднических функций в трудовых спорах между рабочими и работодателями, применения форм социального страхования и т. п.

После второй мировой войны реакционный, антидемократический «закон об обществах» подвергся изменениям, были отменены запрет на организацию обществ и необходимость получения разрешения от властей на организацию обществ⁶⁵. В период подготовки этих мер лидер НРП и президент страны Исмет Инениу в своем выступлении от 10 мая 1946 г. отметил, что Народно-республиканская партия изменила свои взгляды относительно организации профсоюзов. «Программа нашей партии,—отметил Исмет Инениу,—запрещает организовывать общества на классовой основе, однако мы намерены отменить эту статью. Наша программа не признает классовую борьбу, и мы ищем согласия между классовыми интересами. Мы не должны препятствовать тем, кто хочет создавать общества и партии на классовом принципе, но будем запрещать деятельность тех обществ и партий, которыми руководят за пределами нашей страны»⁶⁶. Таким образом, создание профсоюзов провозглашалось свободным; фактически же они должны были находиться под строгим контролем властей, которые имели право закрывать профсоюзы и запрещать их деятельность, прежде всего тех, которые преследовали прогрессивные цели и имели связи с международными демократическими организациями.

К классовому миру призывал рабочих и министр труда Сади Ирмак, который в одном своем выступлении отметил, что «огромное число патриотов—рабочих выражают стремление сотрудничать с государством и обратились к министерству труда с просьбой руководить ими»⁶⁷. Власти стремились сразу же взять рабочее движение под свой контроль. С этой целью правительство Турции

приняло 20 февраля 1947 г. «Закон о профсоюзах и профсоюзных объединениях рабочих и работодателей», который, хотя и признавал право рабочих организовать профсоюзы, но одновременно ус-танавливал, что, поскольку профсоюзы являются национальными организациями, они не имеют права действовать вопреки якобы национальным интересам. Профсоюзы по-прежнему не должны были иметь право на забастовку и заниматься политикой. Закон признавал в то же время право создания синдикатов работодателей. «Закон,—пишет Р. П. Корниенко,—преследовал явную цель—превратить рабочие союзы в филиалы националистических органи-заций турецкой буржуазии, контролируемые правительственными органами»⁶⁸.

В условиях, когда правительство активно вмешивалось во внутренние дела профсоюзов, рабочие не спешили вступать в сою-зы, опасаясь преследований. Любые действия прогрессивных проф-союзов могли считаться противоречащими национальным интере-сам, власти имели право сразу арестовывать лидеров профсою-зов, а профсоюз—закрывать. Например, за 1946 год по обвинению в распространении коммунистической пропаганды было арестовано более 400 человек⁶⁹.

Чтобы ускорить процесс формирования подконтрольных ту-рецкому правительству профсоюзов, правительством было создано профсоюзное бюро, финансируемое правительством. Организован-ное в Стамбуле объединение профсоюзов, которое призвано было руководить всеми профсоюзами Турции, также находилось под контролем властей. Например, в июле 1947 г.—январе 1948 г. оно получило от министерства труда 3 тыс. лир. Помимо этого, мини-стерство труда с марта 1947 г. по ноябрь 1949 г. профсоюзам, на-ходившимся под его влиянием, и рабочим спортивных клубов «по-дарило» 19600 лир⁷⁰. С целью привлечения рабочих подконтроль-ные правительству профсоюзы стали оказывать рабочим мате-риальную помощь в кредит. Однако, как отмечает Аныл Чечен, предпринимаемые властями меры не дали желаемых результатов, так как жизненные условия рабочих оставались тяжелыми, а со-циальная помощь была недостаточна⁷¹.

Национальная буржуазия Турции лавировала, прибегала ко всяким уловкам, чтобы лишить рабочее движение прогрессивного руководства. Путем предоставления доходных, престижных дол-жностей и оказания финансовой поддержки лидерам профсоюзов, рабочей аристократии она стремилась поставить профсоюзы под свой контроль. Алпаслан Ышыклы писал, что в упомянутые годы «профсоюзы из-за финансовых затруднений и неопытности кадров в основном находились под влиянием правительства»⁷².

С февраля 1947 г. до конца 1948 г. в Турции действовали 73:

профсоюза, с 52 тыс. членами, а в 1950 г. число профсоюзов достигло 88 с 78 тыс. членами⁷³.

В 40-е годы в Турции шла упорная борьба профсоюзов за право организации забастовок. Между двумя крупными турецкими буржуазными партиями НРП и ДП шла борьба за привлечение на свою сторону профсоюзов. С этой целью обе партии пытались иметь своих сторонников в руководстве профсоюзных организаций подкупали профсоюзных лидеров деньгами и обещаниями высоких постов⁷⁴. Из выступления представителей национальной буржуазии и компетентных государственных деятелей явствовало, что они не намерены были предоставить рабочим права на забастовки, а требовавших его называли коммунистами. Министр труда в правительстве Сараджоглу Сади Ирмак по этому поводу писал, что «использование забастовок в качестве политических возбуждающих средств даст возможность иностранным державам вмешиваться в трудовые дела страны»⁷⁵. Другой министр труда Решед Шемседдин Сирер, при премьер-министре Гюналтае также был против предоставления рабочим прав на забастовки, демагогически заявляя, что забастовки наносят ущерб самим рабочим⁷⁶. По словам советника министра труда Фуада Эрджияша, те, кто требует права на забастовку, не являются турками. А другой политический деятель, доктор Фахри Куртулуш, выступая в меджлисе, заявил, что забастовка является оружием коммунистической партии, и что в Турции нет никакого социального слоя, который требовал бы права на забастовку⁷⁷.

Ряд профсоюзов, находясь под влиянием властей, выступали против предоставления рабочим права на забастовку. Эти профсоюзы в январе 1950 г. на своем собрании заявили, что они не требуют права на забастовку⁷⁸. Несомненно, что это было сделано по диктовке правительства. Представители рабочих государственных предприятий были избраны и направлены на конференцию в Анкару по распоряжению и при финансовой поддержке министра труда Р. Ш. Сирера. Выступая в Анкаре от имени всего турецкого трудящегося народа, эти «делегаты» высказались против предоставления права на забастовку. Затем они были приглашены на обед, где присутствовали лидеры и «активисты» этих профсоюзов, руководящие деятели НРП, депутаты меджлиса и т. д.⁷⁹

Другие профсоюзы Турции резко осудили подобные махинации властей. Министру труда Сиреру была отправлена телеграмма следующего содержания: «В нашем конгрессе 20 января 1950 г. мы отделились от профсоюза текстильщиков и организовали Свободный профсоюз рабочих текстильной промышленности города Стамбула. Ваше заявление в меджлисе о том, что турецкий рабочий не требует забастовок, не является мнением ни рабочих, ни профсоюзов. Профсоюз текстильных рабочих не является вырази-

телем взглядов всех турецких рабочих. В качестве Свободного профсоюза рабочих текстильной промышленности мы требуем признать право на забастовку»⁶⁰. Однако турецкие власти не только проигнорировали требование рабочих, но и передали дело этого профсоюза в суд за то, что он якобы занимался политикой⁶¹.

С требованием о предоставлении рабочим права на забастовку выступили на своем чрезвычайном конгрессе также члены профсоюза рабочих текстильной промышленности района Чукуровы, с центром в г. Адана. Председатель конгресса Ш. Эренджан отправил министру труда телеграмму, где были изложены взгляды участников конгресса по этому вопросу⁶².

Чтобы заручиться на парламентских выборах поддержкой рабочих, недавно созданная ДП заигрывала с ними, делала демагогические заявления в отношении прав рабочих. Лидер ДП Дж. Бояр, выступая в 1946 г. в Измире, подчеркнул, что «благополучие рабочих будет обеспечено лишь с помощью профсоюзов»⁶³. А когда в 1947 г. в меджлисе проводились дискуссии по случаю принятия закона о профсоюзах, все выступавшие из оппозиционной ДП защищали право рабочих создавать свои профсоюзы и иметь право на забастовку. Один из основателей ДП Фуад Кёпрюлю заявил: «...Если не будет принято право рабочих на забастовку, то не будет достигнута цель создания профсоюзов и свободы в Турции на демократической основе»⁶⁴. Демократы признавали право рабочих создавать профсоюзы и иметь право на забастовки, с оговоркой, что они не преследуют политических целей⁶⁵. Кемал Сюлкер подчеркивает, что некоторая часть рабочих перешла на сторону ДП и стала поддерживать ее за то, что она выступала за право на забастовку⁶⁶.

Многие прогрессивные деятели страны, правильно оценив лицемерные действия ДП, разъясняли рабочим ложную суть ее поведения и стремились убедить рабочих, что им ничего хорошего нельзя ждать ни от НРП, ни от ДП.

Вопреки усилиям эксплуататорских классов и властей, стачечное движение в Турции в первые послевоенные годы росло. Так, за 1945—1946 гг. бастовали табачники и грузчики Стамбула, железнодорожники на юге, портовые рабочие в Измире, рабочие Зонгулдакского угольного бассейна. Они требовали повысить заработную плату, сократить рабочий день, отменить штрафы, улучшить бытовые условия⁶⁷.

Тем не менее, рабочее движение в Турции в 40-х годах было еще слабо и отдельные выступления турецких рабочих не нашли широкого резонанса. В этом сказалась распыленность рабочего класса Турции по мелким предприятиям, что оказывало отрицательное воздействие на процесс формирования и сплочения рабочего класса страны.

Проведение национальной буржуазией Турции политики открытых дверей в отношении иностранного капитала затрагивало в первую очередь интересы рабочих. В результате ее западногерманские, английские и особенно американские монополии стали наводнить турецкий рынок своими товарами. Многие турецкие предприниматели, не имевшие возможности противостоять засилью иностранного капитала, обанкротились, а тысячи рабочих были брошены на произвол судьбы.

О растущем числе обанкротившихся предпринимателей говорит тот факт, что только за 1949 г. было закрыто свыше 100 предприятий⁸⁸. В 1950 г. в Бурсе было закрыто 25 текстильных фабрик, в Измире—более 25 предприятий, закрывались десятки фабрик в Стамбуле и в других городах страны⁸⁹. Вследствие этого резко повысилось число безработных. Например, если в 1946 г. их насчитывалось 25 тыс. человек, то в 1950 г.—более чем 54 тыс. человек⁹⁰.

Национальную буржуазию Турции отнюдь не интересовали жизненные условия рабочего класса. В погоне за прибылями она постепенно увеличивала рабочий день, усиливала эксплуатацию трудящихся масс, заставляла работать на предприятиях, оснащенных старой техникой, что было причиной многочисленных несчастных случаев.

Между тем правительственные чиновники неоднократно заявляли о своих намерениях улучшить жизненные условия рабочих. Но все их обещания оставались невыполненными. В своей правительственной программе от 12 августа 1946 г. премьер-министр страны Реджеп Пекер отметил, что правительство намерено обеспечить рабочие центры медицинскими учреждениями⁹¹. Однако в 1950 г. на всю Турцию приходилось всего 200 больниц и поликлиник, ежегодно только от туберкулеза умирало 40—50 тыс. человек⁹².

Текучесть кадров приняла угрожающие размеры. Исследования, проводившиеся на одном из предприятий, имевшем в 1943 г. 402 рабочих, показали, что из общего числа рабочих только 116 человек работали 30 дней. По мнению Куртхана Фишеку, причиной этого явления были болезни и недостаточное питание⁹³. В такой текучести был заинтересован и предприниматель—она избавляла его от необходимости выделять средства на страхование, уменьшала опасность профсоюзной деятельности на предприятии.

Система страхования в Турции также не отвечала интересам трудящихся масс. Как отмечает Ю. Н. Розалиев, «страхование по несчастным случаям на производстве и профессиональным заболеваниям, а также по старости и материнству крайне недостаточно для улучшения положения трудящихся. В результате чего десятки тысяч искалеченных рабочих были брошены на произвол судьбы, сотни и тысячи семей рабочих, погибших на капиталистических предприятиях, обречены на голод и нищету»⁹⁴.

Как выше было сказано, турецкие правящие круги запрещали любые выступления трудящихся за свои элементарные права. С целью разрешения конфликтов, возникавших между рабочими и работодателями, властями были учреждены арбитражные суды. В случае, если местные и вилайетские арбитражные суды были не в состоянии разрешить спор, то дело слушалось Высшей арбитражной комиссией. Однако на всех стадиях судебного разбирательства, как пишет Ю. Н. Розалиев, участвуют лица, которые защищают только интересы буржуазии, а рабочие и их представители даже не допускаются к слушанию дела. Все определяют правительственные чиновники, которые выносят решения, как правило, в пользу капиталистов⁹⁵. Так, например, в октябре 1947 г. возник крупный конфликт в Адане между рабочими и владельцами текстильной фабрики, где большинство рабочих получали 20—30 лир в месяц. Рабочие требовали повысить зарплату на 80 %, но владельцы фабрики согласились на 40 %, и Высшая арбитражная комиссия удовлетворила желание работодателей. Так же поступила эта комиссия в ноябре 1948 г. с рабочими борацитовых рудников в Султанчайыре (Балыкесирский вилайет), где рабочие требовали повысить зарплату на 30—40 %, но получили прибавку всего в размере 2 %⁹⁶.

После второй мировой войны рабочий класс страны стал активнее выступать за свои права. Но преобладание мелких предприятий с небольшим числом рабочих мешало им организоваться. Развитию рабочего движения в свою очередь препятствовали низкий уровень грамотности рабочих, а также наличие значительного отряда сезонных рабочих. Как отмечал Б. Г. Гафуров, «опутанность афро-азиатского пролетариата традиционными связями (религиозными, земляческими, регионалистскими), его молодость и незрелость, преобладание в его составе нефабричных групп и временно занятых, текучесть кадров—все это мешает рабочему классу в развивающихся странах Востока осознать свое положение и свои собственные интересы»⁹⁷. Эта характеристика полностью относится и к рабочему классу Турции изучаемого периода.

Национальная буржуазия Турции не намерена была заниматься разрешением рабочего вопроса, а наоборот, исходя из своих узкоклассовых интересов, еще более усилила эксплуатацию рабочих. Пользуясь неграмотностью и полуграмотностью части рабочих, буржуазия пыталась отвлечь их внимание от борьбы за свои права пропагандой шовинизма, национализма, ловко используя в этих целях и религию. Даже закон о труде 1936 г., который обещал рабочим весьма скромные права, фактически не действовал. Об этом свидетельствует тот факт, что после второй мировой войны тысячи турецких рабочих в своих выступлениях выдвигают и такие требования, обязательность выполнения которых предусматривалась вышеуказанным законом.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

1. РОЛЬ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ БУРЖУАЗИИ В ЖИЗНИ ТУРЦИИ

В одну из влиятельных группировок в Турции превратилась в 40-е годы бюрократическая буржуазия. Процесс ее формирования значительно ускорился после национально-освободительного движения, после национализации правительством иностранных предприятий. В результате в государственном аппарате все чаще стали появляться руководители и специалисты промышленных предприятий, банков, транспорта и т. д. Этот аппарат значительно расширился с созданием крупных государственных экономических организаций (ГЭО). Правительство, осуществляя политику госкапитализма, национализировало ряд частных предприятий, управление ими также перешло в руки государственных директоров и служащих. Так, число служащих, содержание которых финансировалось из «генерального» и «присоединенного» бюджетов, в 1938 г. составляло 88,5 тыс., в 1941 г.—86,6 тыс. и в 1946 г.—151,7 тыс. человек¹, т. е. менее чем за 10 лет число служащих увеличилось по сравнению с 1938 г. почти в два раза.

По другим статистическим данным число всех служащих Турции, т. е. тех, которые финансировались не только из «генерального» и «присоединенного» бюджетов, но и муниципального, местного бюджетов и бюджета государственных экономических организаций, составляло 222,2 тыс. человек².

Разумеется, к бюрократической буржуазии не следует причислять всех государственных служащих. Для того, чтобы бюрократия стала еще и буржуазной, справедливо отмечает Н. А. Симония, необходимо наличие, по крайней мере, двух важных условий: во-первых, возможности систематического и широкого злоупотребления своим положением в госаппарате и, во-вторых, материализации плодов этих злоупотреблений не только в сфере личного потребления, но и в форме частной предпринимательской деятельности³.

Поэтому в состав бюрократической буржуазии Турции, на наш взгляд, входят в основном высшие служащие, профессиональные политики, директора, главные инженеры государственных предприятий, депутаты Великого национального собрания Турции и т. д. В условиях эксплуататорского общества большая часть высших и средних государственных служащих злоупотребляет своим служебным положением, вовлекается в коррупцию, взяточничество, расхищение государственных средств в целях самообогащения. В. И. Ленин подчеркивает, что чиновничество, бюрократия—это

особый слой лиц, специализировавшихся на управлении и поставленных в привилегированное положение перед народом⁴. С другой стороны, рост государственного аппарата в Турции отрицательно сказался на жизненном уровне служащих. В 40-х годах в условиях дороговизны, спекуляций и нехватки товаров заработка мелких служащих были такими мизерными, что в этом признался даже премьер-министр страны Шюкрю Сараджоглу в своей правительственной программе от 15 марта 1943 г. Он обещал служащим, получающим зарплату более 140 лир, дарить один комплект костюмной ткани, а тем, кто получал меньше, было обещано по две пары костюмной ткани⁵. Для этой подачи в 1944 финансовом году в качестве добавления к бюджету были сделаны дополнительные ассигнования в размере 15 млн. лир⁶.

Что касается высших слоев служащих, то они получали высокую зарплату и имели возможность вести обеспеченную жизнь. Ежемесячный оклад депутата меджлиса в 1948 г., без налоговых удержаний, составлял 1150 лир. Вместе с тем депутат ежегодно получал 3 тыс. лир на дорожные расходы. Премьер-министр и председатель меджлиса, помимо депутатского оклада и дорожных расходов, ежемесячно получали 772 лиры без налоговых удержаний, а министры—450 лир⁷. Если сравнить ежемесячные доходы премьер-министра, председателя меджлиса и министров со средней заработной платой рабочих и мелких служащих (ее размер в эти годы колебался в пределах 50—100 лир), то выясняется, что оклад первых превышал заработную плату рабочих примерно в 20—35 раз. Этот пример—одно из свидетельств глубокого социального неравенства между верхушкой и низшими слоями турецких служащих, связанными более с трудовыми массами.

Следует добавить, что при назначении на служебные посты в Турции значительную роль играют знакомства, состоятельность, родственные и партийные связи. О роли партийных связей говорит, например, такой факт: после выборов 1950 г. из правлений государственных компаний было выведено 743 республиканца и на их «хорошо оплачиваемые должности» были назначены члены Демократической партии⁸.

Американский социолог А. Т. З. Мэтьюз в 1954 г. провел в Турции исследование среди студентов. Мэтьюзом были отобраны две группы. Первая включала 92 служащих в возрасте до 34 лет, которые в течение 5—15 лет находились на государственной службе и которые в данный момент проходили учебу в Институте по подготовке административных кадров Турции и Среднего Востока. Вторая группа была составлена из 240 студентов факультета политических наук и 50 студентов юридического факультета Анкарского университета. Результаты анкетирования показали, что в обеих группах 31—34 % отцов студентов и молодых специалистов были

государственными служащими, а 13—14 % — заняты в торговле⁹.

Эти итоги свидетельствуют, что родственные и классовые связи, богатство играют важную роль при назначении на служебные посты. Такая практика приводила к тому, что на ответственных государственных постах, на предприятиях нередко оказывались люди некомпетентные, слабо представляющие свои обязанности, мало интересовавшиеся перспективами развития своих предприятий, их проблемами.

Результаты обследований Метьюза показали также, что в Турции самыми престижными должностями являлись: губернатор, депутат, инженер, доктор, генерал, судья, дипломат, профессор, крупный предприниматель, генеральный директор¹⁰. Высокая престижность, например, генерала, объясняется тем, что значительная часть отставного офицерства вообще получала высокооплачиваемые должности, занимала высокие посты в государственном аппарате и в промышленности. В этом убеждаешься, знакомясь с карьерой военной верхушки Турции. Так, Думлу Нафиз учился в военной школе, стал военнотружачим, а затем — председателем муниципалитета Эрзурума. Эрем Али Рыза, окончив военную академию, получил пост генерального директора государственных железных дорог, Гюрели Реджан стал губернатором Балыкеси́ра, Караджан Шарафетдин — генеральным директором Управления почты, телеграфа и телефона (П. Т. Т.), Селер Фаик — председателем вилайетского управления Кайсери и т. д.¹¹ Все указанные военнотружачие стали депутатами меджлиса 8-го созыва. По нашим подсчетам, число военных среди депутатов турецкого меджлиса данного созыва составляло 12,6 %¹².

Одним из основных условий получения высоких должностей являлось высшее образование. Например, состав турецкого меджлиса 8-го созыва показывает, что депутаты, имевшие высшее образование, составляли 71,7 % всех депутатов, а служащие — 78 %¹³. Высшее образование турецкие служащие получали на факультетах права и экономики Стамбульского университета, в высших торговых школах Стамбула и Измира, на факультетах политических наук и юридическом Анкарского университета и др. Отметим, что в 1946—1947 гг. среди турецких служащих высшее образование имели лишь 9,1 % служащих¹⁴.

Верхушка турецкой бюрократии, отделенная от низших слоев глубокой социальной пропастью, хотя и не занималась предпринимательской деятельностью, однако входила в элиту общества. В ней были представлены также гражданские служащие и военные.

Государственные служащие, контролируя распределение подрядов, лицензий, государственных займов и т. д. имели широкие возможности злоупотреблять своим служебным положением, брать взятки от частных предпринимателей. Турецкий автор К. Боратав,

например, пишет, что в Турции, как правило, в начале любой деловой операции подрядчики давали взятки банкам, высокопоставленным техническим и административным служащим¹⁵.

Крупные предприниматели, распространяя свое влияние на государственный аппарат, используя знакомства, контакты с высокопоставленными служащими, подчас имели возможность переманивать последних в частный сектор, предлагая им высокооплачиваемые должности. Эти лица, как правило, имели экономическое и техническое образование, накапливали в течение многих лет работы в государственно-экономических организациях значительный трудовой опыт и навыки¹⁶. Например, высокопоставленный служащий, специалист госаппарата Исмаил Хюльки Алисбах, перешедший в частный сектор, и по образованию, и по практической работе был типичный специалист высшей квалификации, карьера которого протекала в самый разгар этатистских мероприятий. Начав в 20-е годы со специалиста по финансовым расчетам, он достиг в 40-е высших ступеней государственно-хозяйственного аппарата, был директором ГЭО сначала Сумербанка, а затем Иллербанка. В конце 40-х годов Х. Алисбах оставил государственный сектор и в качестве менеджера связал свою судьбу с деятельностью мультимиллионера Вехби Коча¹⁷.

Говоря о причинах взяточничества, коррупции и т. п., надо отметить, что они не кроются лишь в низких зарплатах мелких служащих. Благодаря своим высоким постам, этими махинациями в основном могли заниматься наиболее обеспеченные слои служащих. Примером может служить деятельность Атыфа Инана, депутата НРП от Измира, министра торговли Турции при правительстве Реджепа Пекера¹⁸. 7 сентября 1946 г. правительство Турции произвело девальвацию турецкой лиры, в результате чего курс доллара повысился от 100 до 280 курушей. А. Инан использовал возникшую ситуацию в своих корыстных целях, заблаговременно уведолив о предстоящей девальвации близких ему торговцев. В результате некоторые импортные товары исчезли с рынка, после же объявления нового курса лиры торговцы стали продавать заранее закупленные ими товары уже по более высоким ценам. Эта спекуляция дала им возможность получить огромные прибыли. Как отмечает Исмаил Джем, «в некоторых местах эти товары обеспечили прибыль в размере 180 %»¹⁹. Другой турецкий автор отмечает, что благодаря мероприятиям, осуществленным 7 сентября, некоторые члены НРП (правящей партии) сразу же стали миллионерами²⁰.

Подобных источников обогащения в системе управления хозяйственной деятельностью было много. Тот же министр Атыф Инан разбогател при списании на государственных складах испорченной пшеницы. Злоупотребляя своим служебным положением,

министр на каждую тонну гнилой пшеницы списывал 9 тонн годной. Перед очевидцами сбрасывалась в море гнилая пшеница, а остальное списанное количество пшеницы А. Инан продавал турецким экспортерам пшеницы²¹. При расследовании в 1948 г. махинаций А. Инана выяснилось, что в ней замешаны и некоторые другие министры. Примечательно, что в результате парламентского расследования дела Атыфа Инана меджлис в конце концов признал его невиновным²².

Злоупотреблениями занимался губернатор Стамбула Л. Кырдар. Он разрешил повысить цену на мясо на 160—180 курушей, получив затем взятку в 20 тыс. лир от поставщиков мяса. Он же отменил твердую цену на уголь, получив от торговцев угля взятку в размере 50 тыс. лир. Тот же Кырдар в период взимания налога на имущество дал муниципалитету указание скупить за 7 млн. лир земельные участки налогоплательщиков в Мачке (один из районов Стамбула), рыночная стоимость которых составляла 950 тыс. лир. Несомненно, такая разница ему обеспечила большие выгоды. В Куручешме Л. Кырдар приобрел у налогоплательщика земельный участок за 20 тыс. лир. Половину этого участка он затем продал муниципалитету за 100 тыс. лир²³. Л. Кырдар впоследствии стал министром здравоохранения в правительстве Аднана Мендереса²⁴.

В годы второй мировой войны в Турции значительно обогатилась та часть государственных служащих, которые занимали высокие посты в учреждениях, контролировавших экспортные и импортные операции страны. В эти годы министерство торговли, контролируя цены вывозимых товаров, изымало ввозную пошлину в размере 10 %. Импорт же контролировался союзами импортеров. Торговец должен был получить разрешение на сделку от этих союзов. Это, как отмечает И. Сертель, давало возможность государственным служащим, которые контролировали экспортно-импортные операции, брать взятки и создавать привилегированные условия для некоторых торговцев. Такими злоупотреблениями, подчеркивает И. Сертель, в основном занимались лица, связанные с правящей НРП и стоявшие близко к президенту страны Исмету Иненю²⁵. Многие высокопоставленные чиновники государственного аппарата нажили миллионные состояния или стали владельцами обширных поместий: министр финансов, Ф. Агралы, депутат меджлиса С. Омер, председатель меджлиса Абд. Ренда²⁶.

Турецкие государственные служащие, после оставления службы, как правило, не стремились вкладывать накопленные путем разных махинаций крупные средства в промышленность, а приобретали на них земельные участки, строили и продавали затем дома, покупали акции действующих предприятий, занимались торговыми операциями и т. д. «Легче осуществляется процесс пе-

перождения капиталистов-бюрократов в торгово-посредническую буржуазию,—писал Б. Г. Гафуров,—нежели предпринимательскую»²⁷. Эта оценка полностью применима и к турецким капиталистам-бюрократам.

Турецкая бюрократия стремилась скрывать источники таких доходов. Зачастую они переводили свои капиталы в зарубежные банки. Например, как отмечает Е. Ф. Лудшувейт, различные высокопоставленные турки, нажившие баснословные капиталы на спекулятивных операциях, хищениях в государственном хозяйстве, взяточничестве и т. д., размещают свои «сбережения» в заграничных банках, главным образом американских и швейцарских. Такого рода вложения в 1947 г. возросли до 58 млн. долларов против 1 млн. долларов в 1939 г., турецкие капиталисты перевели из швейцарских банков в банки США 154 млн. долларов; таким образом, сумма сбережений составляла более 200 млн. долларов²⁸. Газета «Джумхуриет» 2 февраля 1948 г. писала, что сумма капиталов турецких граждан в иностранных банках составляла от 150 до 250 млн. долларов.

Таким образом, значительная часть средств была переведена в зарубежные банки, что отрицательно сказалось на состоянии финансовой системы страны. Некоторая часть накопленного бюрократией капитала вкладывалась в предпринимательское дело, способствовало развитию капиталистических отношений в Турции, формированию и дальнейшему развитию национальной буржуазии.—«Бюрократическая буржуазия,—пишет К. Н. Брутенц,—это едва ли не самый паразитический социальный слой, соединяющий в себе пороки, уходящие корнями в феодальные, капиталистические и колониальные отношения: алчность и жажду обогащения, но без предпринимательской жилки и склонность к показной роскоши, раболепие и властолюбие, безудержную социальную демагогию и склонность к политическому насилию, жонглирование националистическими лозунгами и готовность пойти на сделку с империализмом, авторитарность и антидемократизм и т. д.»²⁹. Эта оценка относится к освободившимся странам 70-х годов, однако совершенно справедлива и для турецкой бюрократической буржуазии 40-х годов; поскольку многое из того, что происходило тогда в Турции, имеет свои аналоги в некоторых странах, ставших недавно на путь политической самостоятельности.

2. НАЦИОНАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ И ГОРОДСКИЕ СРЕДНИЕ СЛОИ

Городская мелкая буржуазия Турции—одна из самых многочисленных социальных групп страны. В ее состав входят ремесленники и другие мелкие товаропроизводители, торговцы, в основ-

ном лавочники, владельцы небольших заведений сферы обслуживания и т. д. Вместе с некоторыми другими категориями горожан (служащие, государственные чиновники и т. д.) они представляют средние слои населения.

Весьма трудно точно определить границы мелкой буржуазии. К. Маркс отмечает, что «если средства производства и жизненные средства являются собственностью непосредственного производителя, то они не являются капиталом»³⁰. Следовательно, в полном смысле слова к средним слоям, или мелкой буржуазии, нельзя отнести те зажиточные слои, которые в своем производстве используют наемный труд рабочих. «Мелкокапиталистический уклад,— подчеркивает А. И. Левковский,—начинается с того рубежа, на котором прибавочная стоимость становится основным источником дохода собственника заведения»³¹.

Городская мелкая буржуазия, или средние слои городов, Турции по своему составу и материальному положению неоднородны. Их можно разделить на три группы. Первые две, действуя в сфере обращения и услуг, в промышленности и т. д., редко прибегали к помощи наемных рабочих и довольствовались весьма скромными доходами. К третьей группе относятся владельцы мелких промышленных заведений, разных предприятий в сфере обслуживания, в торговле и других отраслях. Как правило, они используют наемный труд—до двух-трех рабочих и тем самым прижимают к низшим слоям национальной буржуазии.

Относительно мелкого производителя К. Маркс писал: «Его прибыль состоит: 1) из процентов на его небольшой капитал; 2) из его заработной платы; 3) из той части прибавочного времени, в течение которого обладание капиталом дает ему возможность работать не на других, а на самого себя,—той части, которая не выражена уже в проценте. А если он держит рабочих, то сюда входит и их прибавочное время»³². При всей емкости и простоте понятия «мелкая буржуазия», или городские средние слои, главное заключается в том, что они являются мелкими собственниками, не эксплуатирующими чужой труд или применяют его в столь незначительной степени, что это не освобождает их от необходимости работать самим³³.

По турецким статистическим данным, в 1950 г. в населенных пунктах страны с числом жителей свыше 2 тыс. человек, в обрабатывающей промышленности насчитывалось 72,2 тыс. мелких «предприятий», в которых было занято около 187 тыс. человек³⁴, т. е. на одно такое «предприятие» приходилось примерно от одного до трех человек. Турецкий экономист Халюк Джиллов отмечает, что в материальном положении таких мелких производителей и рабочих не было большой разницы, так как во многих случаях заработная плата фабричного рабочего была выше, чем владельца

мелкого производства³⁵. В. И. Ленин в отношении мелкого капитала писал, что «величина этого капитала определяет форму личного участия хозяина в предприятии: является ли он и сам рабочим, если его капитал еще мелок, или отказывается от личного труда и специализируется на коммерческо-предпринимательских функциях»³⁶.

В населенных пунктах с числом жителей от 501 до 2 тыс. человек, согласно этой же переписи, в мелкой промышленности насчитывалось свыше 17 тыс. рабочих мест, в которых было занято более 38 тыс. человек, из коих примерно 21 тыс. человек являлись рабочими, а 18 тыс.—владельцами и членами их семей³⁷.

Согласно данным турецкого экономиста Эльдема Ведата, во время второй мировой войны в мелком производстве работало более 380 тыс. человек³⁸. А по другим сведениям, «общее число мелких товаропроизводителей и рабочих-надомников в 1950 г. составляло около 200 тыс. человек»³⁹.

Определить точное число мелких производителей в промышленности Турции трудно из-за отсутствия необходимых данных.

В 40-х годах мелкая промышленность еще занимала значительное положение в стране. Так, в 1939 г. стоимость мелкотоварной продукции производства составляла 40 % всей промышленной продукции страны, в 1945 г.—32,8 %⁴⁰, а в 1950 г.—27,6 %⁴¹. Несмотря на снижение доли мелкого производства, оно сохранило значительное место в турецкой экономике. Например, в металлообрабатывающей промышленности на мелких предприятиях было занято 80 % всех рабочих отрасли, в машиностроительной—83 в кожевенной—88, в мебельной—92 % и т. д.⁴² Ремесленные мастерские были распространены по всей Турции. В городах западной Анатолии, в Стамбуле имелись пошивочные, деревообрабатывающие, ткацкие мастерские; в Бурсе—шелкоткацкие; в вилайетах Испарта, Бурдур, Кютахья и Ушак было распространено ковроделие, в Денизли—производство хлопчатобумажных тканей, в Измире—мебели, в вилайетах Ушак, Кютахья, Болу и др.—производство кожи, керамики, гончарное дело и т. д. В центральной Анатолии были распространены мастерские по ковроткачеству, камнеобработке, производству шерсти; в южной и юго-восточной Анатолии, в городах Газиянтеп, Адана, Диярбакыр, Мардын и Элязыг—изготавливались ткани, серебряные изделия и т. д.; в восточной части Анатолии—производство тканей, сырья и т. д., в северной—производство тканей, мебели и т. д. В восточной Фракии преобладало производство молочных продуктов, сыра, вин, и т. д.⁴³

Мелких производителей обеспечивало сырьем сельское хозяйство. Наряду с городскими средними слоями Турции мы видим солидный слой мелкой буржуазии и в деревнях. Помимо крестьянства в ней представлены: столяры, гончары, сапожники, парик-

махеры, ткачи, портные, мелкие торговцы и т. п. По данным турецкого экономиста О. Туна, в Стамбуле к 1950 г. насчитывалось 150 тыс. ремесленников, в руках которых были сосредоточены такие отрасли промышленности, как кожевенная, обувная, пищевая и т. д.⁴⁴

Значительную часть мелкой буржуазии составляли торговцы и лавочники. По промышленной переписи 1950 г. в розничной торговле Турции имелось около 91 тыс. точек, где владельцы и компаньоны составляли примерно 95 тыс., работающие по найму и не по найму соответственно—21,3 и 16 тыс. человек⁴⁵. Как следует из этих данных, на одно такое рабочее место розничной торговли приходилось менее двух человек. Владельцев и совладельцев этих рабочих мест также надо отнести к числу мелкой буржуазии. Таким образом, согласно данным промышленной переписи Турции 1950 года, учтенная численность мелкой буржуазии во внутренней торговле Турции составляла примерно 95 тыс. человек. В обслуживающем секторе Турции преобладали мелкие пошивочные, сапожные мастерские, парикмахерские, предприятия общественного питания и т. д. Согласно этой же переписи в обслуживающем секторе насчитывалось почти 50 тыс. рабочих мест, где было занято более 121 тыс. человек, из коих 53 тыс. человек составляли владельцы и компаньоны, 34,2 тыс.—работающие по найму и 34,2 тыс. работающие не по найму⁴⁶. Следовательно, если аналогичным способом к числу мелкой буржуазии отнести владельцев и компаньонов этих предприятий, получится, что учтенная численность мелкой буржуазии, занятой в обслуживающем секторе, составляла в 1950 г. примерно 53 тыс. человек. Приведенные данные свидетельствуют о том, что на такое одно предприятие приходится примерно от двух до трех человек. Следовательно, владельцы этих рабочих мест редко прибегали к помощи наемных рабочих.

Таким образом, определенно можно сказать, что городская мелкая буржуазия, или городские средние слои, в рассматриваемый период играла значительную роль в экономике и в социальной жизни Турции. Это было обусловлено, во-первых, тем, что средняя и крупная промышленность не была настолько развита, чтобы полностью удовлетворить все потребности населения, особенно в условиях продолжавшейся в стране дороговизны. Во-вторых, мелкую буржуазию меньше беспокоила проблема значительных капиталов, расходы электроэнергии или транспортных перевозок и т. д.

Национальная буржуазия Турции, исходя из своих интересов, поддерживала меры правительства, поощрявшего деятельность мелкой буржуазии. Например, мелкие предприятия в Турции освобождались от налога на торговые сделки. Этот налог распространялся на тех, кто использовал рабочую силу более пяти человек

и двигатель мощностью в 2 л. с. Предприятия, использовавшие труд десяти человек и более, облагались налогом социального обеспечения в размере от 13—15 % заработной платы наемных рабочих. Этот закон также не касался мелких предприятий⁴⁷. Кроме того, принятый 8 июня 1936 г. закон о труде, который поставил перед крупными предпринимателями ряд обязанностей, не распространялся на мелкие предприятия с числом рабочих менее четырех человек⁴⁸.

Как видно, политика национальной буржуазии в отношении мелкой буржуазии носила двоякий характер. Если, с одной стороны, она в некотором смысле способствовала развитию мелкой буржуазии, с другой—принуждала мелких производителей не расширять производство, угрожая им дополнительным налогообложением.

В 1943 г. мелкой буржуазии разрешалось создавать палаты предпринимателей, подобно промышленным и торговым палатам, которые должны были подчиняться и выполнять указания министерства торговли. А в 1949 г. законом «Об обществах и союзах мелких предпринимателей» последние были разделены на три группы: 1) работающие в одиночку ремесленники (оседлые и бродячие); 2) владельцы ремесленных мастерских и мелких промышленных предприятий, имеющие механический двигатель и использующие труд не более трех рабочих или не имеющие механического двигателя и использующие труд не более восьми рабочих; 3) владельцы мелких предприятий по обслуживанию населения (предприятия общественного питания, сапожные и пошивочные мастерские, парикмахерские и некоторые другие) независимо от числа рабочих (подмастерьев). Создававшиеся общества должны были удовлетворять их «профессиональные, экономические и социальные потребности»⁴⁹. Это свидетельствует о том, что национальная буржуазия Турции в какой-то мере была заинтересована в сохранении и развитии городских средних слоев, обслуживающих производство и обмен.

Еще в 1938 г. в Турции был учрежден Народный банк, с помощью которого буржуазия намерена была удовлетворять потребности мелких производителей в кредитах и держать под своим контролем их деятельность. Однако, как указывает Н. Г. Киреев, в изучаемый нами период его помощь мелким производителям была мизерной и случайной⁵⁰.

Огромное значение для существования и развития мелкой буржуазии имело вытеснение инациональной буржуазии с внутреннего рынка страны. Выше было отмечено, что правительство национальной буржуазии и либеральных помещиков Турции в ноябре 1942 г. опубликовало закон о налоге на имущество, который был направлен не только против крупной и средней ино-

национальной буржуазии, но и против мелкой. В результате тысячи ремесленников, мелких торговцев и производителей нетурецкого происхождения были вытеснены из экономики страны, тем самым открывались благоприятные условия для развития местных турецких средних слоев.

Обычно отношения между крупной и мелкой буржуазией обостряются только тогда, когда национальная буржуазия выступает конкурентом мелкой буржуазии. Городские средние слои не были в состоянии конкурировать с местным крупным и иностранным капиталом. Вот почему мелкая буржуазия была заинтересована в усилении экономической роли государства, расширении госсектора, ограничении крупного частного капитала. Однако она поддерживала рост государственного сектора и вмешательство государства в экономику страны лишь в той мере, в какой оно не затрагивало ее интересы.

Правящие круги Турции, не будучи в силах разрешить проблему трудоустройства и ликвидировать безработицу, вынуждены были активно поддерживать деятельность мелкой буржуазии. В этом отношении интересы мелкой буржуазии и турецких властей частично совпадали.

Отдельные группы городских средних слоев сумели стать на путь капиталистического предпринимательства, внедрили в производство современную технику, что привело к разорению значительной части представителей ручного производства. Тем самым производители были втянуты в процесс, о котором писал В. И. Ленин: «Рост техники в буржуазном обществе ведет к экспроприации мелких и отсталых хозяйств»⁵¹.

Например, мелкое ткацкое хлопчатобумажное производство в городе Сениркенте в 1941—1947 гг. развивалось быстрыми темпами, одновременно был сокращен импорт текстильных товаров. После 1947 г. из-за конкуренции местных крупных и иностранных предприятий выработка тканей ручным способом была резко сокращена. Так, если в 1947 г. ручных станков было 1585, то в 1952 г.—всего 200 единиц⁵². Из-за импорта искусственного шелка тысячи шелководов разорились. Если в 1948 г. шелководством занимались 79470 семей, то в 1952 г. их число сократилось до 73053 семей⁵³. В 1950 г. лишь в трех городах Турции—Мараше, Бурдуре и Антебе—разорилось 16 тыс. кустарей-ткачей⁵⁴.

Надо отметить, что не всегда интересы мелкой и национальной буржуазии противоречат друг другу, порой они взаимодействуют. В этом случае происходит процесс подчинения традиционного мелкого производства капиталистическому. Например, как отмечает Ю. Н. Розалиев, «ковровое производство Ушака—фактически придаток фабричной промышленности Стамбула, откуда

в этот город поступает основное количество необходимого сырья, красок и вспомогательных материалов. Ручное ткачество Денизли длительное время осуществлялось на базе привозимой из Назилли и Измира пряжи»⁵⁵.

С целью объединения предприятий некоторых отраслей еще в 30-х годах власти стали создавать в различных районах страны кооперативы мелких производителей, рассчитывая путем обеспечения сырьем и улучшения условий сбыта продукции поставить их под государственный контроль.

И если, по некоторым данным, в Турции в 1939 г. существовало 10 таких кооперативов с числом пайщиков 11,5 тыс. человек, то в 1947 г. их было уже 166 с 53,3 тыс. пайщиков⁵⁶.

Однако принятые турецкими властями меры только в некоторой степени помогли мелким товаропроизводителям поддерживать производство, процесс их разорения продолжался быстрыми темпами. «Лишь ничтожно малый процент мелкой буржуазии,— пишет Г. Ф. Ким,— вливается в национальную буржуазию»⁵⁷. Именно к этим людям относится следующее высказывание В. И. Ленина: «Мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»⁵⁸. Например, такие известные деловые люди Турции, как Вехби Коч, Хаджи Омер, Сабанджы, Нежат Эджзаджыбашы и ряд других лиц в начале своей деловой карьеры являлись представителями мелкой буржуазии.

Из-за нехватки у мелкого производителя капитала и кредитов, в организации ручного мелкого производства Турции в 40-е годы значительную роль играли купцы и ростовщики. Здесь особенно ярко выступают связи мелкого производства и торгового капитала. Представители последнего ссужали ремесленников, мелких производителей кредитом, скупали готовые изделия по дешевым ценам, а за предоставленное сырье брали высокие цены. Ю. Н. Розалиев, говоря о появлении купцов-скупщиков, которые постепенно захватывали в свои руки весь сбыт мелких товаропроизводителей, пишет: «Последние попадают в зависимость от купцов: сначала они «иногда» берут в кредит пряжу (но свободны продавать свою продукцию на рынке); потом они уже выполняют заказ, а сырье (пряжу) берут у купца постоянно, однако сохраняют возможность сбывать товар самостоятельно; наконец, они уже оказываются обязанными брать у купца пряжу и отдавать ему свою продукцию»⁵⁹. В результате торговый и ростовщический капитал превращаются в промышленный капитал. Таким образом, и мелкое производство создает широкие возможности для развития торгового и ростовщического капитала, что и рождает капитализм и буржуазию.

Как известно, с 1946 г. в политической жизни Турции начинается новый этап—перехода от однопартийной системы к многопартийной. Основные буржуазные партии Турции—Народно-республиканская, Демократическая и Национальная—понимали важную роль и социальную силу мелкобуржуазного слоя, стремились привлечь этот многочисленный отряд непролетарских масс трудящихся на свою сторону, при этом не уступали друг другу в различных демагогических заявлениях. Все эти партии выступали, как правило, в роли «защитников» мелких производителей, обещая предоставить им широкие возможности развития. Например, в своей партийной программе Народно-республиканская партия именовала ремесленников и мелких производителей одним из основных элементов экономической структуры турецкого общества⁶⁰. Демократическая партия, со своей стороны, обещала, что в случае ее прихода к власти она будет покровительствовать мелким производителям⁶¹. Национальная же партия в своей программе констатировала, что она покровительствует мелким производителям и особенно поощряет использование ручных станков⁶².

Особенно стремилась заигрывать с городскими средними слоями Демократическая партия: на предстоящих парламентских выборах она рассчитывала получить их поддержку. «Существенная роль мелкой буржуазии в классовой и политической борьбе афразиазиатских стран,—писал Б. Г. Гафуров,—обуславливается не только тем, что мелкобуржуазные элементы составляют значительную часть в политических партиях, в государственном аппарате, профсоюзных организациях, но и тем, что мелкобуржуазная масса в целом образует в развивающихся государствах ту социальную базу, без поддержки которой не может обойтись ни один правящий режим. Это же обстоятельство объясняет и мелкобуржуазную направленность, мелкобуржуазные тенденции в деятельности тех или иных национальных правительств»⁶³.

Таким образом, можно отметить, что городские средние слои Турции в 40-х годах играли заметную роль в экономической и особенно в социально-политической жизни страны. Национальная буржуазия страны поддерживала рост и развитие мелкой буржуазии, однако эта поддержка была противоречива и недостаточна. Городская мелкая буржуазия нуждалась в кредитах, она была не в состоянии конкурировать с крупным национальным и иностранным предпринимательством. Финансовые затруднения принуждали ремесленников, мелких производителей прибегать к помощи ростовщического, торгового капитала. В результате многие представители городских средних слоев разорялись и превращались в наемных рабочих, и лишь часть их сумела выйти в ряды капиталистов.

3. УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ И РОСТ ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

Как уже было отмечено, военная конъюнктура создала благоприятные условия для оживления и роста торгового капитала. Нехватка товаров, рост цен, спекуляция и т. д. отвечали его интересам. О высоких прибылях, получаемых турецкими торговцами в годы второй мировой войны, свидетельствует бюллетень Стамбульской торгово-промышленной палаты. По его данным торговцы в эти годы получали прибыль от 300 до 500 и даже до 1000 %⁶⁴.

Турецкое законодательство способствовало росту торгового капитала. Так, в марте 1944 г. был принят закон «Об упорядочении торговли и борьбе со спекуляцией», в котором признавалось право промышленников и торговцев получать прибыли в размере 10—20 % от себестоимости товара. В результате, «когда товар доходил до покупателя, его цена «на законном основании» увеличивалась не менее чем на 50 %»⁶⁵.

Турецкая статистика скрывает размеры обогащения буржуазии в период второй мировой войны, поэтому приходится обращаться к косвенным данным. Историк Х. Баюр, выступая в меджлисе в 1945 г., отмечал, что в Турции 30—40 тыс. лиц нажились на войне. Некоторые из них, как отмечает он, еще не миллионеры, однако владеют капиталом не менее 100 тыс. лир каждый⁶⁶. Свидетельством обогащения буржуазии можно считать также увеличение банковских вложений частных лиц. По турецким данным, частные вклады в 1948 г., по сравнению с 1938 г., выросли примерно в четыре раза, с 227 до 813 млн. лир⁶⁷. При этом не учитываются те вклады, которые вложены турецкой буржуазией в иностранные банки. Свидетельством роста банковских операций можно считать рост числа самих банков и отделений, которые в 1948 г. достигли 32, против 19 в 1924 г.⁶⁸

Определенным показателем достаточного влияния турецкой торговой буржуазии в различных районах страны в эти годы может служить состав муниципальных советов. Так, из 25 членов муниципального совета в Афьон-Карахисаре 9 были торговцами, в Кыршехире из 24 членов—21 торговец, в Чорухе из 13 членов—7 торговцев, в Диярбакыре из 28 членов—12 торговцев, в Коджаели из 26 членов—11 торговцы, в Сейхане из 35 членов—12 торговцев, в Стамбуле из 68 членов—12 торговцев⁶⁹.

В 1947 г. было основано общество стамбульских торговцев, целью которого были оживление экономической жизни и защита интересов торговцев.

В рассматриваемый период в Турции все более активную роль стали играть акционерные общества. Сам факт развития акционерных обществ говорит о том, что капиталистические отношения

в Турции достигли известного уровня, поскольку акционерные общества, как правило, возникают на стадии крупного капиталистического производства. Если в 1943 г. в Турции насчитывалось всего 421 акционерное общество с общей суммой установленного капитала 244,9 млн. лир, то в 1950 г. в стране действовало уже 782 акционерных общества с суммой установленного капитала 874,7 млн. лир⁷⁰.

О росте влияния крупной торговой буржуазии говорит и деятельность торговых палат в стране. Они должны были способствовать развитию торговли; собирать и обрабатывать торговую информацию; представлять необходимые данные в официальные инстанции по вопросам, относящимся к данному району; готовить статистические материалы; следить за рыночными ценами основных товаров; утверждать торговые документы; выступать перед министерствами и местными властями с предложениями и заявлениями по торгово-промышленным вопросам; разрешать деловые конфликты по вопросам торговли; открывать в своем районе выставки, ярмарки, склады, кредитные учреждения⁷¹. Торговыми палатами, как правило, руководили крупные торговцы, подчас миллионеры. Например, руководство палатами Стамбула, Измира, Анкары находилось в руках таких влиятельных деловых людей Турции, как Караманджи, Филибейли, В. Коч и др.

Торговые палаты существовали в Турции еще с 1870-х годов, на началах добровольного членства. Однако в 1925 г. турецкие власти отменили существующий принцип их деятельности и обязали всех коммерсантов, имевших капитал свыше 5 тыс. лир, стать членами вновь создаваемых торговых палат, контролируемых министерством торговли⁷². Естественно, что торговцы не мирились с ограничением своих прав, выступали против вмешательства государства в их дела и за создание свободных от государственного контроля торговых палат. В. Коч, который с 1928 г. по 1951 г. руководил торговой палатой Анкары, пишет, что торговые палаты Анкары, Стамбула и Измира периодически организовывали совещания с последующим представлением их итогов и требований правительству⁷³.

Определенное представление о росте влияния крупного торгового капитала и усиления его позиций дают сведения о деятельности некоторых крупных предпринимателей и фирм. Так коммерсант и промышленник Омер Сабанджи в начале своей предпринимательской деятельности занимался торговлей хлопком, а с 1938 г.—переработкой хлопка и текстильным производством. Он основал ряд крупных промышленных предприятий, в том числе хлопкоочистительный комбинат в Адане (1938 г.), акционерные общества «Тюрк небаты яглар фабрикасы» А. Ш. (1939 г.) и «Торослар» Т. А. Ш. (1942—1943 гг.). После второй мировой вой-

ны Сабанджы основал Акбанк (1947 г.), создал в Анкаре строительное общество «Музаффар Будаг Ш.» и т. д. Впоследствии его компании были объединены в «Хаджи Омер—Холдинг»⁷⁴. Другой крупный предприниматель Нежат Эджзаджыбашы, получив образование в Германии и США, вернулся в конце 30-х годов в Турцию с дипломом доктора медицины. Он основал несколько лабораторий по изготовлению медикаментов. Как отмечает Ю. Н. Розалиев, медикаменты в условиях военного времени сбывались по баснословно высоким ценам. Это позволило в 1941—1943 гг. расширить сферу предпринимательской деятельности, построить керамический завод, ряд новых фармацевтических предприятий, и вскоре Нежат Эджзаджыбашы стал одним из самых богатых людей в стране⁷⁵. Мультимиллионер Вехби Коч начинал свою деловую карьеру в торговой лавке отца, затем занимался продажей резиновых галош, подошвенной кожи, обуви, железного лома, вкладывал накапливаемые капиталы в подрядные работы, а спустя некоторое время, в 1938 г., организовал торговое акционерное общество «Коч тиджарет Т. А. Ш.» с капиталом в 30 тыс. лир⁷⁶. После второй мировой войны В. Коч стал тесно сотрудничать с американскими фирмами, вкладывая капитал и в промышленность. Другой крупный предприниматель Узеир Авундук родился в семье торговца. Во время первой мировой войны он основал в Стамбуле компанию «Авундук-заде бирадерлер», которая торговала текстильными товарами, установила связи с компаниями Англии и Италии. Авундук избирался председателем торговой палаты Стамбула, членом правления Банка национального кредита и компании «Сейри-Сефаин Ш.». В 1930 г. фирма перебазировалась в Анкару и стала представительницей многих иностранных фирм. После прихода к власти Демократической партии он стал председателем торгово-промышленной палаты Анкары⁷⁷.

Одной из старых торговых фирм в Турции является фирма «Бурла бирадерлер», принадлежащая семье Бурла. По происхождению Бурла—евреи, принявшие мусульманство, т. е. дёнме. О масштабах торговопромышленной деятельности семьи Бурла мало сведений, однако тот факт, что их фирма находилась в числе обложенных налогом на имущество на миллион лир, косвенно свидетельствует о состоянии этой фирмы. Несмотря на тяжелый ущерб, нанесенный налогом на имущество, фирма Бурла и после второй мировой войны была крупнейшей в стране, занимаясь в основном импортом и вкладывая капиталы в промышленность.

В 1948 г. была создана фирма «Транстюрк», занимавшаяся импортом и экспортом. Основателями фирмы стали Тахсин Пияле, Ф. Сурен и Н. Бараз. Тахсин Пияле был главой макаронной фирмы страны «Макташ»⁷⁸.

Рост крупного торгового капитала особенно ускорился в начале 1950-х годов. Как свидетельствуют турецкие данные за 1950—1953 гг., в стране в эти годы была создана 101 торговая организация с капиталом в 136 млн. лир. В эти же годы значительно увеличилось число акционерных обществ. Было основано 152 акционерных общества с капиталом 365 млн. лир. Кроме этого, было создано 430 лимитедных обществ с капиталом более 63 млн. лир, занимавшихся торговыми операциями⁷⁹.

Таким образом, во время второй мировой войны, и особенно в послевоенный период, шел процесс концентрации крупного капитала.

Первые же послевоенные годы характеризовались заметным оживлением дискуссий в различных политических и экономических кругах правящего класса страны о направлениях экономической политики властей, о путях развития государственного и частного секторов. В этих спорах все отчетливее просматривалось усиление позиций крупной турецкой буржуазии, особенно торговой, ее стремление приступить к очередному пересмотру политики этатизма применительно к новой ситуации, сложившейся в эти годы как в самой Турции, так и на международной арене.

Имея уже немалые средства, накопив с помощью государственного сектора знания, технический и управленческий опыт, национальная буржуазия, возглавляемая теперь преимущественно крупной буржуазией, поставила перед собой задачу овладеть теми отраслями хозяйства, которые были в руках государственного сектора и которые благодаря значительному развитию внутреннего рынка становились прибыльными.

Борьба мнений о судьбах государственного капитализма нашла свое отражение и в выступлениях и политической деятельности представителей правящих кругов страны. Одним из таких представителей был Джелял Баяр, занимавший с 1932 по 1937 гг. пост министра экономики Турции, а в 1937—1939 гг.—премьер-министра. Баяр никогда не был ярким этатистом, однако в 30-е годы он, понимая жизненную необходимость экономических преобразований на базе госсектора, не стремился к ограничению экономической деятельности государства, как, впрочем, и частного сектора.

Теперь же Дж. Баяр заявил о несогласии с этатистской политикой НРП. В 1945 г. он выходит из партии и предпринимает шаги к созданию оппозиционной Демократической партии (ДП).

Демократическая партия была организована 7 января 1946 г. Джелалем Баяром, Аднаном Мендересом, Фуадом Кёпрюлю и Рефиком Коралтаном, которые были исключены из правящей НРП. В состав партии вошли крупные банкиры, торговцы, промышленники, помещики. «Руководство Демократической партии,—пишет

Иылдыз Сертель,—более всего находилось в руках таких крупных помещиков, как Аднан Мендерес, Джавид Орал. Крупные помещики, которые, проживая в городе, вкладывали накопленные в сельском хозяйстве капиталы в торговлю и промышленность, составляли влиятельное крыло ДП. В южной и восточной Анатолии ага, владеющие 30—40 деревнями, полностью взяли в свои руки местные организации ДП. Крупные торговцы и промышленники также находились в первых рядах Демократической партии. В руководство ДП входили также руководители банков, верхушка государственных служащих, связанных с крупными предпринимателями»⁸⁰.

В 1946 г., когда ДП уже была создана и начала действовать, Дж. Баяр, выражая интересы крупной турецкой буржуазии, заявил, например, что «впредь государство должно поставить частный капитал в равное положение с государственным. Государственный капитал должен вкладываться в такие сферы, как транспорт, оборонная промышленность, почта и т. п., а также там, где для частного предпринимательства не обеспечиваются прибыли. Некоторые государственные предприятия должны продаваться частным лицам»⁸¹.

По мнению Баяра, государство не должно непосредственно вмешиваться во все области экономики путем вложения капитала, создания предприятий, не должно конкурировать с частными фирмами. Функция государства—сделать «гармоничным» и «упорядочить действия экономических сил». Баяр подчеркивал, что он не против этатизма в целом, он против крайностей этатизма в форме государственного капитала. По его мнению, самой плохой формой этатизма является накопление капитала путем тяжелых налогов—это понижает жизненный и культурный уровень, порождает результаты, противоречащие социальной цели этатизма⁸². Из-за ошибочной экономической политики государства, считал Баяр, миллионные средства остаются в банках, не вкладываются в предпринимательские сферы⁸³.

Дж. Баяр призывал турецкие власти поступать так, как поступал в свое время Фридрих Великий, который строил фабрики и передавал их в руки частных лиц⁸⁴. По мнению Баяра, эта система, сыгравшая огромную роль в индустриализации Германии, может дать аналогичные результаты и в Турции.

Эти высказывания в духе «либерального этатизма», появившиеся после войны, следует объяснить не только тем, что национальная буржуазия, разбогатевшая в годы войны, хотела освободиться от контроля государства. Страна, особенно интеллигенция Турции, требовала буржуазных свобод, деловые круги же стремились использовать эти требования в своих интересах—как свободу частного предпринимательства в области экономики. Как ви-

дим, демократические лозунги объединили в это время многих, хотя смысл вкладывался различный. Это во многом объясняет, почему в то время в ДП вошли некоторые представители левых кругов.

Следует отметить, что сами власти в годы войны давали немало поводов обвинять их в бюрократизме в области экономики. Наиболее ярким примером такой чрезмерной регламентации хозяйственной деятельности частного сектора был вышеуказанный закон о национальной защите. Один из идеологов частного предпринимательства, в прошлом государственный чиновник, Ахмед Хамди Башар утверждал: «Свободу не следует понимать только в политическом смысле. Задача состоит в том, чтобы быстро развить страну, обеспечить в обществе экономическую свободу личности. НРП не смогла согласовать этатизм со свободой, этатизм все же доминировал. Задачей ДП должны быть реорганизация этатизма, доставшегося нам от Высокой Порты, создание государства, которое явилось бы достоянием народа; партия должна стать средством, способным сблизить государство с нацией»⁸⁵. А. Х. Башар призвал прекратить вмешательство государства в экономику. Он считал, что руководство национальной экономикой следует передать особому органу, который не был бы зависим от правительства, а стоял выше него. Такой орган смог бы, по его мнению, препятствовать любой партии и любому правительству вмешиваться в экономическую жизнь⁸⁶. Однако сторонники либерального этатизма, хотя и требовали свободы в экономике, вместе с тем понимали, что без государственной помощи частному капиталу развиваться будет трудно. Заявление того же Дж. Баяра свидетельствует, что речь шла об ограниченном, «либеральном» этатизме, а не о полной либерализации экономики. «В сельском хозяйстве и промышленности вместо экономического либерализма нужно применить умеренную систему протекционизма. Лишь такое государство, в руках которого уже накоплены достаточные капиталы и рабочая сила, может вести политику экономического либерализма. Однако в Турции накопление капитала еще ограничено. В связи с этим Турция не примет либеральную экономическую систему»⁸⁷.

Руководители НРП, пытаясь скрыть эксплуататорскую сущность этатизма, приписывали несвойственные ему в условиях господства национальной буржуазии социальные функции. Министр торговли Турции Эсад Текели, говоря, например, о вмешательстве государства в торговлю, утверждал, что эта мера проводится с целью недопущения эксплуатации производителей, поддержки производителей против посредников; она отражает необходимость осуществления высоких экономических интересов страны, защиты прав потребителей⁸⁸. Такую же мысль выражал министр Сади

Ирмак в газете «Улус»: «Основная характерная черта нашего этатизма—это его национальный смысл. Другими словами, мы не можем оставить народные массы на произвол судьбы, оставаясь безразличными к эксплуатации. Государство должно обеспечивать равноправие между имущими и неимущими»⁸⁹.

Однако представители национальной буржуазии Турции были не в силах скрывать под прикрытием «всемирной» НРП эксплуататорскую сущность госкапитализма в Турции. Вскрывая эту суть, В. И. Ленин писал: «В капиталистическом государстве государственный капитализм означает, что он признается государством и контролируется им на пользу буржуазии против пролетариата»⁹⁰. Эта ленинская характеристика целиком относится и к турецкому государственному капитализму.

Таким образом, крупная буржуазия хотела сохранить этатизм и использовать его в своих интересах. Требования крупного торгово-промышленного капитала были отражены в программе ДП, принятой 7 января 1946 г. и получившей свой окончательный вид на первом конгрессе партии в 1947 г.⁹¹.

Своей целью партия считала осуществление «в полном смысле слова демократии» в Турецкой республике (ст. 1). В экономической области, касаясь вопроса об этатизме, программа гласила: «Мы понимаем этатизм, как функции государства или непосредственно заниматься экономической деятельностью, или как упорядочение, поощрение и помощь, обеспечивающие быстрее развитие частного предпринимательства и капитала, с тем, чтобы как можно скорее восполнить пробел, с давних пор существовавший в области экономики; расширение же объема деловой активности поднимет жизненный уровень и благосостояние граждан. Упорядочение государством деятельности частного предпринимательства и капитала вызвано необходимостью согласовывать частные интересы с общими и защищать их. Наш этатизм—путь, обусловленный нашими экономическими условиями и нуждами» (ст. 17).

В 43-й статье говорилось: «Деятельность частного предпринимательства и капитала является основой экономической жизни. Следовательно, нужно обеспечивать условия и новые сферы деятельности для свободного и безопасного действия частного предпринимательства и капитала». Отражая интересы крупной и средней буржуазии, программа требовала, с целью ограничения вмешательства государства в экономические дела страны, наметить даже некий план действий в этом направлении: «В целях стабильной и безопасной деятельности частного предпринимательства и капитала необходимо решительно определить границы экономической деятельности государства. Для этого считаем необходимым заранее определить долгосрочным общим планом те дела, выполнение которых государство берет на себя, а также—глав-

ные направления политики государства в области экономики, таможен, монополий и валюты» (ст. 44).

Статья 45 определяла сферу деятельности государства таким образом: «Государство непосредственно должно действовать: а) в сферах, в которых частное предпринимательство и частный капитал не могут действовать или из-за нехватки капиталов, или если за короткое время невозможно получить прибыли, однако если эти сферы нужны для экономического развития и укрепления обороны страны, особенно в сферах тяжелой промышленности, в строительстве и эксплуатации крупных электростанций, железных дорог, портов, ирригационных сооружений и крупных транспортных средств; б) в строительстве крупных горнорудных предприятий и лесных хозяйств, нахождение которых в руках государства более выгодно с точки зрения постоянных выгод; в) необходимо, чтобы государственные и частные предприятия находились в равных условиях».

Программа требовала также передать ряд государственных предприятий в руки частных предпринимателей: «Те предприятия, которые созданы государством, но в частных руках могли бы работать рентабельнее, должны быть переданы частным предпринимателям на выгодных условиях» (ст. 48).

Касаясь условий торговли, программа требовала: «На рынках должна быть обеспечена безопасность и стабильность. Если нет крайней необходимости, не следует вмешиваться в рыночные отношения. Самая важная обязанность государства в этой области—препятствовать упразднению или ограничению конкуренции» (ст. 53).

Несомненно, правящая тогда НРП учитывала требования различных слоев крупной буржуазии, представители которых были и ее членами (как, например, Вехби Коч). НРП вынуждена была внести значительные изменения в свою платформу, что нашло отражение в новой программе партии⁹², принятой на 7-м съезде партии, состоявшемся в период с 17 ноября по 6 декабря 1947 г.

«Наш этатизм,—говорилось в программе НРП,—возник с целью быстрее развивать нашу экономику в качестве единого целого, довести жизненные условия нашей нации до уровня, отвечающего потребностям сегодняшнего мира, и превзойти их.

Считается необходимым, оснащая каждую отрасль национальной экономики передовой техникой..., увеличивать производительность труда и обеспечивать действия национального капитала в пригодных для него сферах экономики страны» (ст. 7).

Статья 8 устанавливала, в каких сферах экономики должно действовать государство: «Государство с целью обеспечения общественных нужд должно заниматься такими делами, как строительство крупных горнорудных предприятий и крупных энергети-

ческих станций, тяжелая промышленность, общественные работы, транспорт...».

В новой программе определялись и сферы действия частного предпринимательства: «Наша партия считает, что в различных экономических сферах, не упомянутых в 8-й статье, может заниматься частное предпринимательство, а государство должно поощрять, поддерживать его, оказывать необходимую помощь.

В статье 10 специально подчеркивалось, что «частные и государственные предприятия должны действовать в равных условиях...».

В новой программе НРП значительное место было уделено сельскому хозяйству. Демагогически подчеркивалось, что «крестьяне и земледельцы—основной элемент нашей нации», поэтому в экономической политике партия будет уделять внимание «повышению производительности сельскохозяйственного производства и социальному развитию крестьян и земледельцев» (ст. 41). В программе содержалось также обещание наделять землями безземельных и малоземельных крестьян, оснащать их сельскохозяйственными средствами и удовлетворять их потребности в кредитах, пересмотреть вопросы, касавшиеся гарантий собственности, максимального количества оставляемых за хозяевами земель и стоимости отчужденных (ст. 41—43).

Интересы торговой буржуазии были отражены в ст. 56; «Торговлю считаем необходимым элементом национальной экономики, а свободную конкуренцию—главным условием для развития национальной торговли. Мы должны поощрять торговлю так, чтобы производители и потребители обеспечивали себе выгоду. С этой целью считаем необходимым упорядочить и контролировать торговлю специальными организациями и государством».

Как следует из программ двух крупных партий, в которых была представлена национальная буржуазия Турции, между ними нет принципиальных различий во взглядах. Если и были какие-то различия в их программах, то они касались оценки этатизма. ДП требовала и последовательно добивалась признания более широких прав в развитии частного предпринимательства и иностранного капитала. НРП выглядела более «этатистской», хотя и в ее рядах была крупная буржуазия и помещики.

Разумеется, не следует считать, что крупная буржуазия получила возможность влиять на политику государства лишь с возникновением и укреплением ДП, с принятием новой программы НРП. Требования крупной турецкой буржуазии находили свое отражение и ранее, в программах правительств НРП. Например, в программе правительства Реджепа Пекера (август 1946 г.) говорилось: «Наша экономическая деятельность будет исходить из интересов частных предпринимателей и частного капитала: не сле-

дует проводить грань между частным предпринимательством и государственным сектором. Мы будем... обеспечивать взаимодействие между государственными предприятиями и частным капиталом, препятствовать созданию государственных предприятий в таких областях, где успешно может действовать частное предпринимательство». Правительство Хасана Саки (сентябрь 1947—январь 1949 г.) в своей правительственной программе заявляло: «Мы обратим внимание на то, чтобы государство не было конкурентом частному предпринимательству». А в программе правительства Ш. Гюналтая (январь 1949 г.), последнего правительства НРП перед приходом к власти ДП, относительно частного капитала говорилось: «Главным принципом правительства должно быть поощрение и облегчение деятельности частного капитала в экономических областях»⁹³.

В начале 1950 г., перед выборами в меджлис девятого созыва, отношения между двумя партиями обострились. Обе партии не скупилась на демагогические обещания, представляя себя «борниками» демократии и свобод, развития частного и иностранного капитала и т. п. Например, в предвыборном заявлении НРП говорилось: «Мы хотим, чтобы частный капитал и частное предпринимательство постепенно играли все большую роль в развитии нашей экономики: мы будем поощрять новые сферы деятельности для капиталистов и предпринимателей; необходимо дать возможность частному предпринимательству пользоваться и теми кредитами, которыми пользовались только государственные экономические организации; мы должны держать открытыми наши двери для иностранного капитала, который хочет действовать в Турции и который будет действовать согласно международным условиям, принятым цивилизованными странами. Закон, который мы приняли в этом году, подготовил прочную основу для поощрения частного капитала; наша партия придает первостепенное значение тому, что частный капитал и частное предпринимательство должны действовать на равных условиях. Мы намерены пересмотреть существующие условия в этой области, и если будут положения, которые противостоят равенству, мы их упраздним»⁹⁴.

А премьер-министр Ш. Гюналтай, стремясь привлечь на сторону НРП крупных помещиков, испугавшихся земельного закона 1945 г., говорил, что меджлисом подготовлены меры, которые позволят, «сохраняя целостность средних хозяйств, наделять безземельных крестьян землями в достаточном количестве»⁹⁵. Крестьянам же НРП обещала в случае победы на предстоящих выборах ускорить процесс начального обучения в деревнях, обеспечить безземельных и малоземельных крестьян землями, необходимыми сельскохозяйственными орудиями труда, семенами, кредитами и т. д.⁹⁶

В свою очередь представители ДП в своих предвыборных выступлениях выражали взгляды, которые характеризуют их как главных защитников интересов крупного частного капитала. Так, по мнению лидеров партии, экономическая политика государства должна была состоять в том, чтобы она, опираясь на частную собственность, защищала экономические свободы личности, а частное предпринимательство считала основой экономики страны; государство должно заниматься предоставлением коммунальных услуг и делами, которые вне сферы деятельности частного предпринимательства, и т. д.⁹⁷ «Демократы» считали, что «в такой стране, где гарантии для действий национального капитала и частного предпринимательства недостаточны и их возможности развития ограничены, ждать прихода иностранного капитала в страну является иллюзией. А между тем мы сильно нуждаемся в иностранном предпринимательстве, иностранном капитале и передовой технике. Мы намерены обеспечить возможность использовать в больших масштабах иностранное предпринимательство, капитал и иностранную технологию»⁹⁸. «Если власть окажется в наших руках, мы за шесть месяцев превратим страну в рай», — заявляли демократы, и такие заявления, — пишет Н. Нади, — распространялись до самых отдаленных уголков страны и в сознании населения оставляли глубокие следы»⁹⁹. Представители ДП в своих выступлениях выдавали себя за основоположников демократии в Турции, а действия ДП — освободительным движением¹⁰⁰. Лидер ДП Джелал Баяр, выступая в мае 1950 г. в городе Самсуне, заявил: «Мы не обещаем выполнять невозможные дела. Те же, которые обещаем, несомненно, выполним. Турция находится в бедственном экономическом положении... Народ испытывает неслыханные трудности. Мы освободим наш народ из этого бедственного положения. Мы обеспечим страну дорогами, питьевой водой, фабриками. Все это будет делать Демократическая партия»¹⁰¹.

14 мая 1950 г. состоялись выборы в меджлис. Они закончились победой ДП, получившей 54,91% голосов избирателей; НРП получила 41,05% голосов¹⁰². В результате мажоритарной системы ДП обеспечила себе 408 депутатских мест в меджлисе, а НРП — 69¹⁰³.

Таким образом, НРП, созданная основоположником Турецкой республики Кемалем Ататюрком и правившая страной в течение 27 лет, потерпела поражение. Причины поражения НРП и победы ДП различные авторы объясняют по-разному. Но их взгляды едины в том, что НРП почти за 30 лет не смогла разрешить важнейшие социально-экономические, политические задачи, стоящие перед ней, завела страну в тупик. Все основные слои населения были недовольны ее политикой, поэтому неслучайно, что ДП за

столь короткое время своего существования сумела взять верх над правящей партией.

Среди недовольных политикой НРП основное место занимали различные группы национальной буржуазии. Разбогатевшие в годы второй мировой войны, они выступили против этатистских мер правительства, требуя широкого простора для своих действий, ограничения этатизма и поощрения местного частного и иностранного предпринимательства. Были среди недовольных и те группы национальной буржуазии, которые вплоть до 1942 г. пользовались льготами «Закона о поощрении промышленности», а затем были лишены их. Среди недовольных были и предприниматели, связанные с местным рынком и иностранным капиталом. Первые требовали ограничить импорт, чтобы иметь возможность реализовать свои товары быстро и выгодно на местном рынке; в противовес этому предприниматели-посредники, связанные с иностранным капиталом, требовали увеличить импорт и т. д.

Помещики также были недовольны политикой НРП, поскольку она намеревалась проводить пусть куцую, но все же затрагивающую их интересы аграрную реформу 1945 г. Они резко выступали и против применения этой реформы и против политики НРП вообще.

Крестьянские массы также были обмануты в своих ожиданиях, так как НРП не разрешила аграрную проблему. Тысячи крестьянских семей не располагали землей, а реформа 1945 г. не внесла серьезных изменений в турецкую деревню.

В тяжелом положении находился рабочий класс, который был лишен самых элементарных прав, и поэтому в первое время часть его легко поверила демагогическим обещаниям демократов и поддержала их.

Инонациональная буржуазия испытывала неприязнь и недоверие к НРП в связи с введением в 1942 г. налога на имущество. Следует отметить, что местная буржуазия еще долго помнила этот шаг правительства, направленный против частной собственности, и не доверяла правительству.

Среди недовольных политикой НРП была и городская мелкая буржуазия, кредитные нужды которой не удовлетворялись государством.

В числе недовольных политикой НРП была и значительная часть духовенства. «Не случайно что, после победы ДП в главной мечети Анкары,—пишет польский автор К. Познаньска,—публично вознеслась благодарность аллаху за освобождение Турции от «безбожных» правительств»¹⁰⁴.

Ко всему этому следует добавить, что в стране царил голод, спекуляция, злоупотребления государственных чиновников, репрессии властей и т. д. С учетом всего этого причины провала НРП

никого не удивляли. Самые широкие слои населения были недовольны ее политикой и поэтому отдали голоса за ДП.

Надо оговориться, что не все влиятельные помещики, представители крупной буржуазии перешли на сторону ДП. До поражения НРП на выборах 1950 г. их число в этой партии было значительным. Так, крупный землевладелец Касым Гюлек, депутат из Сейхана, с сентября 1947 г. по июнь 1948 г. занимал пост министра благоустройства, а затем почти полгода—пост министра транспорта в правительстве НРП. Другой землевладелец—Джавид Орал—с июня 1948 г. по май 1950 г. занимал пост министра сельского хозяйства¹⁰⁵. Один из крупных деловых людей страны, мультимиллионер Вехби Коч также находился в рядах НРП, из-за чего в период правления ДП «испытывал трудности во всех своих делах»¹⁰⁶. Определенную роль в том, что не все крупные помещики или представители буржуазии покинули НРП, сыграли родственные связи, знакомства, высокие и доходные посты и т. д. До того, как политика властей не затрагивала их интересы, они оставались верными НРП. Например, в Турции были распространены слухи о том, что Вехби Коч на выборах 1950 г. передал НРП 3 млн. лир.¹⁰⁷ Вряд ли он был в состоянии пожертвовать такую большую сумму денег, однако, принимая во внимание его успешную деятельность в период правления НРП, его теснейшие связи с государственным сектором и т. д., можно предположить, что Коч все же оказал значительную финансовую поддержку этой партии.

Следует отметить, что в победе Демократической партии решающую роль сыграли также голоса крестьянских масс, хотя в программе ДП и не было упоминания о земельной реформе 1945 г. Дело обстояло в том, что крупные помещики имели в этот период значительное влияние на крестьян и заставляли их голосовать за кандидатов демократов.

НРП, будучи не в силах вывести страну из тяжелого положения, с целью разрядки внутренней взрывоопасной обстановки, допустила создание в стране Демократической и ряда других партий. Этот шаг свидетельствовал также о том, что турецкая буржуазия, особенно крупная, настолько окрепла, что уже нуждалась в собственной партии, способной защищать ее интересы. И крупная буржуазия морально и материально поддержала ДП. Согласно турецким данным, крупные торговцы оказали финансовую поддержку этой партии. Так, например, только измирские торговцы передали ДП в качестве помощи 100 тыс. лир¹⁰⁸.

Несомненно, в победе Демократической партии свою роль сыграли США, которым была больше по душе ее партийная программа, обещающая ограничить государственное вмешательство

и дать широкий простор для развития местного и иностранного частного капитала.

Переход власти к ДП А. М. Шамсутдинов считает банкротством внешней и внутренней политики НРП. Он отмечает, что «Демократическая партия при помощи широкой демагогии, шантажа и обмана масс, при поддержке американских империалистов захватила государственную власть в свои руки»¹⁰⁹.

Однако переход власти к ДП не привел к улучшению положения широких масс Турции. Победа ее лишь означала, что турецкая буржуазия переместила власть из одной руки в другую. «Многopартийная демократия,—пишет Т. Атаев,—насаждавшаяся в Турции, была не более чем игрой, которая велась в интересах буржуазии»¹¹⁰. К. Маркс, говоря о таких явлениях, писал, что «олигархия увековечивает себя не только при помощи постоянного сохранения власти в одних руках, но также и тем, что она попеременно выпускает власть из одной руки, чтобы подхватить ее тут же другой»¹¹¹. В. И. Ленин, в свою очередь, говоря о двухпартийной системе США, отмечал, что правящие круги этой страны «обманывали народ, отвлекали его от насущных интересов посредством эффективных и бессодержательных дуэлей двух буржуазных партий»¹¹².

Турецкая действительность подтверждает жизненность высказываний классиков марксизма. Испугавшись народного недовольства и с целью сохранить власть в своих руках, буржуазия страны добилась создания многopартийной системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Победа национальной войны в Турции передала власть в руки турецкой буржуазии, в тот период экономически и политически еще слабой. Такова была особенность развития капиталистических отношений на Востоке, и в том числе в Турции, в отличие от европейских стран, где национальная буржуазия в период захвата власти, как правило, имела прочные экономические, а иногда и политические позиции.

Окончательное формирование и дальнейшее развитие национальной буржуазии Турции, естественно, было результатом развития социально-экономических условий. Академик Е. Жуков правильно указывает, что «...ход общественного развития определяют общие закономерности, проявляясь через конкретный исторический процесс в отдельных странах, через «особенное», которое, однако, не играет главной роли»¹. В специальном исследовании о формировании буржуазии Османской империи О. Г. Инджикян отмечает, что «развитие капиталистических отношений, образование слоя буржуазии из землевладельцев-помещиков, связанных с

рынком, расслоение крестьянства, выделение кулачества, обезземеливание крестьян и другие явления нужно считать результатом главным образом внутренних процессов и особенностей, которыми и было обусловлено состояние сельского хозяйства страны»².

Наиболее значительной и влиятельной частью национальной буржуазии Турции являлась в 40-е годы торговая буржуазия. Однако разбогатевшие в годы второй мировой войны крупные торговцы стали вкладывать капиталы и в промышленность, что привело к некоторому росту промышленной буржуазии. Наряду с этим наблюдалось и иное. Крупные торговцы скупали земельные участки, вкладывали капиталы в сельское хозяйство, подрядные работы, банковские операции. В свою очередь, крупные землевладельцы занимались торговлей или вкладывали капиталы в промышленность. В результате растущего взаимодействия имущих классов быстрее стали развиваться капиталистические отношения, ускорился процесс концентрации капитала. Численно вырос класс буржуазии, который в 1950 г. составлял (включая небольшое число крупных эксплуататоров помещичьего типа) примерно 400 тыс. человек (3,6% экономически активного населения)³.

Одной из особенностей развития капиталистических отношений в Турции является тот факт, что до второй мировой войны национальная буржуазия страны имела определенные связи с инонациональной (греческой, армянской и еврейской) буржуазией. С целью предоставления более широкого поля деятельности национальной буржуазии турецкие власти продолжали политику вытеснения инонациональной буржуазии из экономики страны.

При сравнении процесса развития капиталистических отношений в Турции с экономически развитыми странами бросается в глаза и другая его особенность. В этих странах, как правило, промышленное развитие прошло три этапа эволюции—мелкого товаропроизводства, мануфактуры и крупного предпринимательства. В Турции же преобладающая часть крупных предпринимателей формировалась из среды феодалов-землевладельцев и коммерсантов, накопивших солидные капиталы и вложивших их в промышленность.

Национальная буржуазия, имея до 40-х годов серьезное влияние на политическую жизнь, была еще слаба в экономике. Она не могла осуществлять широкие капиталовложения, создавать крупные предприятия, ограничивать действие иностранного капитала, поэтому была заинтересована в государственном вмешательстве в экономику, в укреплении позиций государственного сектора—до того предела, пока это не затрагивало ее узкоклассовые интересы.

В отношении иностранного капитала национальная буржуазия вела двойную политику. До второй мировой войны, не будучи в силах конкурировать с иностранным капиталом, она выступа-

ла против его широкого привлечения. Но после войны, став значительно сильнее политически, турецкая буржуазия потребовала смягчить ограничения в отношении иностранного капитала. Были установлены равные условия для действия местного и иностранного капиталов. Лояльное отношение властей привело к некоторому притоку иностранного капитала в страну, в первую очередь американского, в результате чего усилилась экономическая и политическая зависимость Турции от США. Об аналогичном явлении упоминает В. И. Ленин: «...когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами»⁴.

Неразрывно связаны с национальной буржуазией Турции верхние слои городской мелкой буржуазии, которые в рассматриваемый период играли значительную роль в экономике и, в частности, удовлетворении спроса внутреннего рынка. Но в условиях быстрого развития капиталистических отношений городской мелкая буржуазия не была в состоянии выдержать конкуренцию ни местного крупного, ни иностранного капитала, вследствие чего процесс ее разорения был ускорен. Это вело к обострению противоречий городской буржуазии с национальной—первая все больше была заинтересована в государственном вмешательстве в экономику.

Постепенное укрепление позиций госсектора сопровождалось увеличением числа государственных служащих. Часть их, злоупотребляя своим должностным положением, использовала прерогативы государственной власти для самообогащения. Взятки, коррупции и различные махинации обеспечивали приток денег.

Накопленные турецкой бюрократией суммы вкладывались в предпринимательское дело, переводились в иностранные банки. Таким образом, в развитии капиталистических отношений и накоплении капитала в Турции определенную роль играл также бюрократический капитал.

Национальная буржуазия была заинтересована в экономическом развитии, преодолении феодальных пережитков и индустриализации страны. Однако в деле промышленного развития страны она не проводила последовательной политики. Испытывая давление в первую очередь американского монополистического капитала, она проводила курс на такое индустриальное развитие страны, при котором предпочтение отдавалось развитию отраслей легкой промышленности и сельского хозяйства. Осуществление даже этого курса в значительной степени было поставлено в зависимость от иностранных кредитов.

В 40-е годы не произошло серьезных изменений и в положении рабочего класса Турции. Буржуазия не приняла никаких мер для введения рабочего законодательства, отвечающего интересам

рабочего класса. Закон о труде 1936 г. так и остался на бумаге, не предоставив рабочим никаких прав, в том числе и права на забастовку. Единственно, в чем была заинтересована турецкая буржуазия—это поставить рабочее движение и их профсоюзы под свой полный контроль.

Одной из главных проблем, беспокоящих национальную буржуазию, была аграрная проблема, жизненно важная для такой сельскохозяйственной страны, как Турция. Значительную долю составляли безземельные и малоземельные крестьяне. Быстрыми темпами шел процесс обезземеливания крестьянских масс, и тысячи тружеников села, потеряв земельные участки, пополняли ряды безработных. После второй мировой войны правительство национальной буржуазии было вынуждено пойти на определенные аграрные преобразования в деревне. Однако аграрный закон 1945 г. не дал положительных результатов, поскольку национальная буржуазия, будучи сама связана с землевладением и с помещичьим классом, не шла на серьезные преобразования, которые могли ущемить интересы крупных землевладельцев. Турецкие власти ограничились предоставлением безземельным и малоземельным крестьянам земли за счет бесхозных и малопригодных земельных фондов. Даже против этого половинчатого закона выступали недовольные аграрной политикой властей крупные землевладельцы. В результате некоторые важные пункты закона, затрагивающие интересы землевладельцев, были впоследствии отменены. «Всякая реформа,—указывал В. И. Ленин,—лишь постольку и является реформой (а не реакционной и не консервативной мерой), что она означает известный шаг, «этап» к лучшему. Но всякая реформа в капиталистическом обществе имеет двойственный характер. Реформа есть уступка, которую делают правящие классы, чтоб задержать, ослабить или затушить революционную борьбу, чтобы раздробить силу и энергию революционных классов, затемнить их сознание и т. д.»⁶. Так произошло и в Турции.

После второй мировой войны крупная турецкая буржуазия стала настойчиво выступать против последовательных эгалитарных мер правительства, требуя более широкого поля деятельности для частного предпринимательства и возможности привлечения в страну иностранного капитала. Эти стремления крупной турецкой буржуазии нашли свое отражение в партийных документах ДП, полностью отвечающих интересам крупной буржуазии.

В результате проводимой верхами политики, в 1945—1950 гг. Турция оказалась в тяжелом экономическом положении. Промышленность страны развивалась слабыми темпами, не удовлетворявшими потребности населения. В стране царили голод, дороговизна, спекуляция. Обострение социально-экономических про-

тиворечий привело к затяжным формам кризиса правительственных верхов. Широкие слои населения были недовольны политикой правящих кругов Турции. Этим и воспользовалась ДП, которая, выдавая себя защитницей демократических прав народа, критиковала внутреннюю и внешнюю политику правящей НРП. Демагогические обещания ДП нашли широкий отклик среди населения страны, что и обеспечило ей победу на выборах в меджлис 1950 г. После прихода к власти Демократической партии национальная буржуазия стала активно влиять на экономическую жизнь страны, играя решающую роль во внутренней и внешней политике республиканской Турции.

Ս. Վ. ԳԵՂԱՄՅԱՆ

**ԹՈՒՐԻՔԻԱՅԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԲՈՒՐՃՈՒԱԶԻԱՆ ԵՐԿՐԻ
ՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ԵՎ ՍՈՑԻԱԼ-ՔՍՂԱՔԱԿԱՆ ԿՅԱՆՔՈՒՄ
(1945—1950 թթ.)**

Ա մ փ ռ փ ռ լ մ

Թուրքիայում ազգային պատերազմի հաղթանակից հետո (1919—1922 թթ.) իշխանությունն անցավ ազգային բուրժուազիայի ձեռքը: Ի տարբերություն եվրոպական երկրների, որտեղ իշխանության գլուխ անցնելու ժամանակ ազգային բուրժուազիան հիմնականում ուներ ամուր տնտեսական և երբեմն էլ քաղաքական հիմքեր, Թուրքիայի ազգային բուրժուազիան իշխանության գլուխ գալու պահին թե՛ տնտեսապես և թե՛ քաղաքականապես դեռևս թույլ էր, որը պայմանավորված էր երկրի ներքին սոցիալ-տնտեսական զարգացման օրինաչափություններով:

Թեև Թուրքիան անմիջական մասնակցություն չէր ունեցել երկրորդ համաշխարհային պատերազմին, սակայն այն լուրջ հետևանքներ էր թողել նրա տնտեսության վրա: Երկրի կառավարող շրջանների առջև ծառայել էին սոցիալ-տնտեսական բնույթի խրթին խնդիրներ, որոնց լուծման փորձերը ուղեկցվում էին դասակարգային հակամարտությունների սրմամբ: Այսպիսի պայմաններում մեծ աշխուժություն էր ցուցաբերում Թուրքական հասարակության հիմնական դասերից մեկը՝ ազգային բուրժուազիան:

Թուրքիայի տնտեսության զարգացման թույլ մակարդակը ստիպում էր ազգային բուրժուազիային լրջորեն խորհել երկրի ինդուստրացման

հարցերի շուրջը: Այդ նպատակով կարելի էր օգտագործել կապիտալի կուտակման այնպիսի կարևոր աղբյուրներ, ինչպիսիք էին հարկերը, պետական սեկտորի ձեռնարկություններից ստացվող եկամուտը, հողային ունեւորան և այլն: Սակայն Թուրքական բուրժուազիան զրկված էր այդ աղբյուրները երկրի ինդուստրացմանը ծառայեցնելու հնարավորություններից: Այդ եկամուտների զգալի մասը տրամադրվում էր ռազմական նպատակների, իսկ արդյունաբերության մեջ ներդրվում էր միայն շնչին մասը: Բացի այդ, տնտեսության զարգացման պլանների մշակման գործում առաջնությունը տրվում էր մասնավոր սեկտորի զարգացմանը, մեծ հույսեր էր կապվում արտասահմանյան վարկերի հետ, և հիմնական ուշադրությունը հատկացվում էր գյուղատնտեսության զարգացմանը: Տնտեսական այդպիսի քաղաքականության հետևանքով տեղական արդյունաբերությունը միայն մասամբ էր կարողանում բավարարել երկրի ներքին պահանջները:

Երկրի տնտեսության հիմնական բնագավառը՝ գյուղատնտեսությունը մնացել էր զարգացման ցածր մակարդակի վրա: Թուրք գյուղացիության հողագրկման ընթացքը մեծ շահեր էր ընդունել, որին զուգահեռ տեղի էր ունենում հողի կենտրոնացումը կալվածատերերի, կուլակների ձեռքում, աճում էր խոշոր հողատիրության տեսակարար կշիռը: Թեև ազգային բուրժուազիան երկրի տնտեսության զարգացումը անհնար էր համարում առանց տեխնիկա-տնտեսական հետամնացության հաղթահարման, առանց գյուղի արմատական ագրարային վերափոխումների, սակայն կապված լինելով ֆեոդալական վերնախավի հետ, շահերի ընդհանրություն ունենալով առևտրի, արդյունաբերության մեջ կապիտալ ներդրումներ կատարող խոշոր կալվածատերերի հետ, երբեք գյուղում խոր, արմատական բարեփոխումներ անցկացնելու նպատակներ չունեի և չէր կարող ունենալ: Նա ձգտում էր գյուղացիության պահանջները բավարարել երկրորդական բնույթի միջոցառումներով: Ահա թե ինչու 1945 թ. ագրարային բարեփոխումը էական փոփոխություններ չմտցրեց Թուրքիայում:

Արդյունաբերության զարգացման ցածր մակարդակի պատճառով երկրի արդյունաբերական պրոլետարիատը բազմամարդ չէր, բանվորական շարժումը երկար ժամանակ չունեի առաջադեմ արհմիութենական ղեկավարություն: Շահութաբեր պաշտոններ տրամադրելու, ֆինանսական օգնություն ցույց տալու միջոցով բուրժուազիան սիրաշահում, իր կողմն էր գրավում արհմիութենական գործիչներին և ձգտում էր արհմիությունները ծառայեցնել իր շահերին: Անգամ 1936 թ. ընդունված

աշխատանքային օրենքը, որը շատ համեստ իրավունքներ էր խոստանում բանվորներին, փաստորեն մնացել էր թղթի վրա:

40-ական թթ. երկրի բուրժուազիայի ազդեցիկ խմբավորումներից մեկը բյուրոկրատական բուրժուազիան էր: Վերջինիս կուտակած կապիտալի մի մասը ներդրվում էր արդյունաբերության մեջ կամ ձեռնարկատիրական զանազան ոլորտներում, որը նպաստում էր երկրում կապիտալիստական հարաբերությունների հետագա զարգացմանը:

Կապիտալիստական մրցակցության պայմաններում մանր բուրժուազիայի մեծ մասը քայքայվում, վերածվում էր վարձու բանվորների և միայն մի շնչին մասին էր հաջողվում անցնել կապիտալիստների շարքը: Պատերազմի տարիներին հարստացած թուրքական խոշոր բուրժուազիան սկսեց համառորեն հանդես գալ կառավարության վարած պետական կապիտալիզմի քաղաքականության դեմ, է՛լ ավելի լայն հնարավորություններ պահանջել մասնավոր կապիտալի զարգացման համար:

1946 թ. հունվարին հիմնադրվեց Դեմոկրատական կուսակցությունը, որն իր ծրագրերում հիմնականում արտահայտելով խոշոր բուրժուազիայի ու կալվածատերերի շահերը, խոստանում էր սահմանափակել պետության միջամտությունը երկրի տնտեսական կյանքին և լայն հնարավորություններ ապահովել մասնավոր խոշոր կապիտալի զարգացման համար: Այս իրադրության մեջ իշխանության համար անզիջում պայքար ծավալվեց կառավարող Ժողովրդա-հանրապետական և նորաստեղծ Դեմոկրատական կուսակցության միջև:

1950 թ. մայիսի 14-ի ընտրություններում հաղթանակ տարավ և իշխանության գլուխ անցավ Դեմոկրատական կուսակցությունը: Ժողովրդա-հանրապետական կուսակցությունը կառավարման 27 տարիների ընթացքում չկարողանալով լուծել իր առջև ծառայած սոցիալ-տնտեսական ու քաղաքական կարևոր խնդիրները, երկիրը կանգնեցրել էր փակուղու առջև՝ առաջ բերելով ժողովրդի դժգոհությունը: Այս իսկ պատճառով, Դեմոկրատական կուսակցությունը կարողացավ հեշտությանմբ հաղթանակ տանել կառավարող Ժողովրդա-հանրապետական կուսակցության նկատմամբ:

Իշխանության անցումը Դեմոկրատական կուսակցությանը զգալի փոփոխություններ չբերեց Թուրքիայի ժողովրդական զանգվածների կյանքում: Այդ կուսակցության հաղթանակով թուրքական բուրժուազիան ըստ էության իշխանությունը իր մի ձեռքից փոխադրեց մյուսը: Նա հասավ իշխանությունը իր ձեռքում պահելու բուրժուական երկրներում բազմիցս փորձված, ճկուն բազմակուսակցական համակարգի հաստատման:

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

- 1 Ulus. 18. III. 1943.
- 2 Аюклян Г. Турция в тисках империалистической реакции.—Большевик, 1948, № 7, с. 48.
- 3 Мусеев П. П. Финансы Турции и положение трудящихся в годы второй мировой войны.—Ученые записки Института востоковедения АН СССР, 1959, вып. 17, с. 184.
- 4 Ökte F. Varlık vergisi factası, İstanbul, 1953, s. 23.
- 5 В рассматриваемый период финансовый год в Турции начинался 1 июня, а с 1946 г.—1 января.
- 6 Sertel Y. Türkiyede İlerici akımlar ve kalkınma davamız. İstanbul, 1969, 59—60.
- 7 Мусеев П. П. Закон о национальной защите 1940 г. в Турции.—Ученые записки Института востоковедения АН СССР, 1956, т. 14, с. 222—246:
Timur T. Türk devrimi ve sonrası. 1919—1946. Ankara, 1971, s. 228—237.
- 8 Кондаклян Р. П. Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны. Ереван, 1978, с. 83.
- 9 Мусеев П. П. Закон о национальной защите 1940 г. в Турции, с. 237.
- 10 Там же.
- 11 Кондаклян Р. П. Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны, с. 84.
- 12 Timur T. Türk devrimi ve sonrası, s. 236.
- 13 Nadir N. Perde aralığından. İstanbul, 1965, s. 109.
- 14 Timur T. Türk devrimi ve sonrası, s. 236.
- 15 Aydemir Ş. S. İktisadi adam, c. 2. İstanbul, 1975, s. 225.
- 16 Sertel Y. Türkiyede İlerici akımlar ve kalkınma davamız, s. 61.
- 17 İstatistik yılığı, c. 17. Ankara, 1949, s. 217.
- 18 İstatistik yılığı, c. 21. Ankara, 1953, s. 279.
- 19 Türkiye 1923—1973 ansiklopedisi, c. 1—4. İstanbul, 1974, s. 474.
- 20 Там же.
- 21 İstatistik yılığı, c. 14. Ankara, 1944, s. 353.
- 22 Имеются в виду фабрики, насчитывающие 10 и более наемных рабочих и именуемые турецкой статистикой «крупными».
- 23 Vedat E. Le revenu national de la Turquie.—Revue de la Faculté des sciences économiques de l'Université d'Istanbul*, 1948, № 1—2, p. 90—91.
- 24 İstatistik yılığı, c. 21, s. 284.
- 25 İstatistik yılığı 1964—65. Ankara, 1965, s. 448.
- 26 Лудшувейт Е. Ф. Турция (экономико-географический очерк), М., 1955, с. 74.
- 27 Мусеев П. П. Рост налогов в Турции в годы второй мировой войны.—Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР, 1956, вып. 19, с. 55.

- 28 *Demirkan U.* Cumhuriyetin ilk elli yılında vergisel yapımız. Ankara, 1973, s. 133.
- 29 Там же, с. 48—49, 58.
- 30 Türkiye 1923—1973 ansiklopedisi, s. 679.
- 31 İstatistik yılığı, с. 21, s. 287.
- 32 Türkiye 1923—1973 ansiklopedisi, s. 104, 130, 799.
- 33 Подсчитано по данным: İstatistik yılığı 1964—65, s. 267.
- 34 *Лудшувейт Е. Ф.* Турция, с. 396—397.
- 35 Karma ekonomisi. İstanbul, 1967, s. 19.
- 36 *Коç V.* Hayat hikâyesi. İstanbul, 1974, s. 53.
- 37 *Авциоглу D.* Türkiye'nin düzenli (dün-bugün-yarın), с. 1—2. İstanbul, 1976, s. 738.
- 38 Там же, с. 681.
- 39 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 25, ч. 2, с. 160.
- 40 *Serin N.* Türkiye'nin sanayileşmesi. Ankara, 1963, s. 231.
- 41 *Киреев Н. Г.* Развитие капитализма в Турции. К критике теории «смешанной экономики». М., 1982, с. 243.
- 42 Ulus, 14. III. 1950.
- 43 *Розалиев Ю. Н.* Особенности развития капитализма в Турции (1923—1960 гг.). М., 1962, с. 204.
- 44 *Nebloğlu O.* Türkiye'de kim kimdir. İstanbul, 1961—63, s. 597.
- 45 *Розалиев Ю. Н.* Особенности развития капитализма в Турции, с. 194.
- 46 Там же, с. 201.
- 47 *Коç V.* Hayat hikâyesi, s. 108.
- 48 Cumhuriyet, 17. III. 1950.
- 49 *Розалиев Ю. Н.* Особенности развития капитализма в Турции, с. 278.
- 50 Kalkınan Türkiye. Ankara, 1954, s. 15.
- 51 *Новичев А. Д.* Крестьянство Турции в новейшее время. М., 1959, с. 168, 245.
- 52 *Моисеев П. П.* Аграрный строй современной Турции. М., 1970, с. 76.
- 53 *Коç V.* Hayat hikâyesi, s. 54.
- 54 *Моисеев П. П.* Аграрный строй современной Турции, с. 84.
- 55 Там же.
- 56 Cumhuriyet, 27.VI.1946.
- 57 Türkiye İktisat Mecmuası, 1948, № XII, s. 39.
- 58 Cumhuriyet, 27. VII. 1948.
- 59 İktisadî yürüyüş, 1948, № 213—216, s. 33.
- 60 Там же, с. 2.
- 61 *Карпат К.* Türk demokrasi tarihi, s. 253—254.
- 62 Ulus, 3. XII. 1948.
- 63 İktisadî yürüyüş, 31.XII.1948, № 213—216, s. 25.
- 64 Там же.
- 65 *Киреев Н. Г.* Национальный и иностранный капитал во внешней торговле Турции. М., 1968, с. 75.
- 66 *Коç V.* Hayat hikâyesi, s. 58, 64.

- 67 Полное описание и применение этого закона дано в книге: *Ökte F. Varlık vergisi factası. İstanbul, 1953.*
- 68 Н. Садак впоследствии (с 10.IX. 1947 по 22.V. 1950 г.) возглавлял министерство иностранных дел Турции.
- 69 *Sertel S. Roman gibi (Anıtlar) 1919—1950. Sofya, 1969 s. 232.*
- 70 *Ökte F. Varlık vergisi factası, s. 86—87.*
- 71 *Lewis B. The emergence of modern Turkey. London, 1962, p. 292.*
- 72 *Гасратян М. А. О политике турецких правящих кругов в национальном вопросе.—Проблемы современной Турции. М., 1963, с. 138.*
- 73 *Ökte F. Varlık vergisi factası, s. 96, 185.*
- 74 *Коç V. Hayat hikâyem, s. 69.*
- 75 *Ökte F. Varlık vergisi factası, s. 183—184.*
- 76 *T. C. Resmî gazete, 17.III.1944.*
- 77 *Cumhuriyet, 21.X.1946.*
- 78 *Giritliođlu F. Türk siyasi tarihinde CHP'sinin mevkî, c. 2, Ankara, 1965, s. 366.*
- 79 *Köksal B. A., İkkin A. R. Türkiyede iktisadî politikanın gelişimi (1923—1973). İstanbul, 1973, s. 135.*
- 80 *Hershlag Z. Y. Turkey, the challenge of growth. Leiden, Brill, 1968, p. 150.*
- 81 *Avcıođlu D. Türkiyenin düzeni, s. 557.*
- 82 Там же.
- 83 *Thornburg M. W. Türkiyenin bugünkü ekonomik durumunun tenkidî. Ankara, 1950. s. 94, 137.*
- 84 Там же, с. 122, 96.
- 85 *Турция экономист. Milletlerarası İmar ve Kalkınma bankasının Türkiye hükümetle bilîştirak finanse ettiği heyetin raporu. Ankara, 1951, s. 86, 127.*
- 86 Там же, с. 188, 269, 455.
- 87 *Köksal B. A., İkkin A. R. Türkiyede iktisadî politikanın gelişimi. s. 136.*
- 88 *Новейшая история Турции. М., 1968, с. 247.*
- 89 *Коç V. Hayat hikâyem, s. 73, 74, 76*
- 90 *Карма экономист, s. 25.*
- 91 *Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 277.*
- 92 *Üstün N. Türkiyedeki Amerika. İstanbul, 1969, s. 55.*
- 93 *Устюн Н. Америка и американцы в Турции. М., 1971, с. 20.*
- 94 *Смирнов В. П. Турция. Экономика и внешняя торговля. М., 1956, с. 16.*
- 95 Там же, с. 5.
- 96 *Турция 1923—1973 ansiklopedisi, s. 104, 130.*
- 97 *Кондакчян Р. П. Вторжение западногерманских монополий в Турцию. Ереван, 1963, с. 36 (на арм. яз.).*
- 98 Там же, с. 39, 65—66.
- 99 *Турция 1923—1973 ansiklopedisi, s. 638, 799.*
- 100 *Зарубежный Восток и современность, т. I. М., 1980, с. 151.*

- 1 Джиллов Х. З. Экономика Турции. М., 1971, с. 159.
- 2 Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları. İstanbul, 1968, s. 250.
- 3 Aydemir Ş. S. İkinci adam, с. 2, İstanbul, 1975, s. 398.
- 4 Tekeli I., İkkin S. Savaş sonrası ortamında 1947 Türkiye İktisadî kalkınma planı. Ankara, 1974, s. 2.
- 5 Mirza S. Sermaye piyasası. Türkiyede durumu ve muhtemel gelişmesi. İstanbul. 1965, s. 72.
- 6 Джиллов Х. З. Экономика Турции, с. 161, 164, 166.
- 7 Tunaya T. Z. Türkiyede siyasî partiler (1859—1952). İstanbul, 1952, s. 590.
- 8 Tayanç T. Sanayileşme sürecinde 50 yıl. Ankara, 1973, s. 116.
- 9 Tekeli I., İkkin S. Savaş sonrası ortamında 1947 Türkiye İktisadî kalkınma planı, s. 7.
- 10 Там же, с. 9.
- 11 Там же, с. 11.
- 12 Там же, с. 22.
- 13 Там же, с. 21, 22.
- 14 Там же, с. 19.
- 15 Там же, с. 20.
- 16 Там же, с. 20, 21.
- 17 Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 331
- 18 Там же, с. 340—341.
- 19 15.III. 1943 г. — 12.VIII. 1946 —Ш. Сараджоглу; 12.VIII. 1946 г. —9.IX. 1947— Р. Пекер.; 10.IX. 1947 г.—8.VI. 1948 —Х. Сака; 8.VI. 1948 г.—15.I. 1949— Х. Сака; 16.I. 1949 г.—22.V. 1950 —Ш. Гюналтай. См. Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 263, 281, 313, 325, 335.
- 20 Serin N. Türkiyenin sanayileşmesi. Ankara, 1963, s. 164.
- 21 İstatistik yıllığı 1964—65. Ankara, 1965, s. 448.
- 22 Алибеков И. В. Государственный капитализм в Турции. М., 1966, с. 124
- 23 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции (1923—1960 гг.). М., 1962, с. 191—192.
- 24 Türkiyede işçi ücretleri ve enflasyon, № 5. Ankara, 1975, s. 41.
- 25 Новейшая история Турции. М., 1968, с. 244.
- 26 Смирнов В. П. Турция. Экономика и внешняя торговля. М., 1956, с. 9.
- 27 1955 genel nüfus sayımı. Ankara, 1956, s. 16.
- 28 İktisat fakültesi mecmuası. Ankara, 1960, с. 20, № 1—4, s. 118.
- 29 Türkiyede toplumsal ve ekonomik gelişmenin 50 yılı. Ankara, 1973, s. 316.
- 30 Tarım İstatistik özeti 1944—1965. Ankara, 1966, s. 5.
- 31 I га равен 10 денюмам.
- 32 Aydemir Ş. S. İkinci adam, с. 2, s. 344.
- 33 Arık K. F. Mukayeseli toprak reformu, с. 2. Ankara, 1962, s. 101.
- 34 Aydemir Ş. S. İkinci adam, с. 2, s. 324, 325.

- 35 Devlet yıllığı, 1944—1945, Ankara, s. 250.
- 36 *Türk I. Türk toplumunda sosyal sınıflar*. İstanbul, 1970, s. 112.
- 37 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 135.
- 38 Подробно об этом законе см. Т. С. Resmî gazete, 15.VI. 1945; Arık К. F. Mukayeseli toprak reformu, с. 2. Ankara, 1962; Моисеев П. П. Аграрные отношения в современной Турции. М., 1960; Крестьянство Турции в новейшее время. М., 1959.
- 39 Данциг Б. М. Турция. М., 1949, с. 151.
- 40 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 155.
- 41 Моисеев П. П. Аграрный строй современной Турции, с. 125.
- 42 Cumhuriyet, 12.XI.1976.
- 43 Данциг Б. М. Турция, с. 152.
- 44 Urgan Н. Hâtıralarım. Ankara, 1959, s. 442.
- 45 Cumhuriyet, 11. XI. 1976.
- 46 Там же.
- 47 Новичев А. Д. Крестьянство Турции в новейшее время, с. 214.
- 48 Окан Х. Развитие на капитализма в Турция. София, 1961, с. 73 (на болг. яз.).
- 49 Arık К. F. Mukayeseli toprak reformu, с. 2. s. 101.
- 50 Джиллов Х. З. Экономика Турции. М., 1971, с. 111—112.
- 51 Avcioglu D. Türkiyenin düzeni (dün-bugün-yarın) с. 1—2, İstanbul, 1976, s. 620.
- 52 İstatistik yıllığı, с. 21. Ankara, 1953, s. 218.
- 53 Price M. Ph. A history of Turkey from Empire to Republic. London 1961, p. 175.
- 54 Джиллов Х. З. Экономика Турции, с. 97.
- 55 На рус. яз. о законе см.: Корниенко Р. П. Рабочее движение в Турции, 1918—1963. М., 1965, с. 93.
- 56 Çeçen А. Türkiyede sendikacılık. Ankara, 1973, s. 16.
- 57 Там же, с. 17.
- 58 Кондакчян Р. П. Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны, с. 122.
- 59 Розалиев Ю. Н. Очерки положения промышленного пролетариата Турции после второй мировой войны. М., 1956, с. 90.
- 60 Timur Т. Türk devrimî ve sonrası. 1919—1946. Ankara, 1971, s. 229
- 61 Sertel Y. Türkiyede ilerici akımlar ve kalkınma davamız, s. 60.
- 62 Акопян Г. Турция в тисках империалистической реакции.—Большевик, 1948, № 7, с. 51.
- 63 Timur Т. Türk devrimî ve sonrası, s. 233.
- 64 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 298.
- 65 Çeçen А. Türkiyede sendikacılık, s. 18.
- 66 İşiklı А. Toplu iş sözleşmeleri ve Türkiye ekonomistî içindeki yerî. Ankara 1967, s. 74.
- 67 Там же, с. 75.
- 68 Корниенко Р. П. Рабочее движение в Турции, 1918—1963, с. 110.

- 69 *Şişmanof D.* Türkiye'de işçi ve sosyalist hareketi. Sofya, 1965, s. 115.
 70 *Sülker K.* 100 soruda Türkiye'de işçi hareketleri. İstanbul, 1973, s. 61.
 71 *Çeçen A.* Türkiye'de sendikacılık, s. 25.
 72 *Işıklı A.* Toplu iş sözleşmeleri ve Türkiye ekonomisi içindeki yeri, s. 77.
 73 İktisadi kalkınmanın sosyal meseleleri. İstanbul, 1964, s. 364.
 74 *Şişmanof D.* Türkiye'de işçi ve sosyalist hareketi, s. 113.
 75 *Sülker K.* 100 soruda Türkiye'de işçi hareketleri, s. 174.
 76 Там же.
 77 Там же, с. 176.
 78 Там же.
 79 Там же.
 80 *Sülker K.* Türkiye'de sendikacılık. İstanbul, 1955, s. 103.
 81 *Işıklı A.* Toplu iş sözleşmeleri ve Türkiye ekonomisi içindeki yeri, s. 77.
 82 *Sülker K.* 100 soruda Türkiye'de işçi hareketleri, s. 61.
 83 *Işıklı A.* Toplu iş sözleşmeleri ve Türkiye ekonomisi içindeki yeri, s. 76.
 84 Там же.
 85 *Sülker K.* Türkiye'de sendikacılık, s. 36.
 86 Там же, с. 38.
 87 *Новичев А. Д.* Положение и борьба рабочего класса Турции после второй мировой войны.—Ученые записки ЛГУ, сер. востоковед. наук, 1954, вып. 4, № 179, с. 108.
 88 Там же, с. 101.
 89 *Саркисов Е. К.* Положение трудящихся масс в современной Турции. Ереван, 1955, с. 78.
 90 İstatistik yıllığı, с. 20. Ankara, 1952, s. 229.
 91 *Öztürk K.* Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 307.
 92 *Новичев А. Д.* Положение и борьба рабочего класса Турции после второй мировой войны, с. 106—107.
 93 *Fişek K.* Türkiye'de kapitalizmin gelişmesi ve işçi sınıfı. Ankara, 1969, s. 79.
 94 *Розалиев Ю. Н.* Очерки положения промышленного пролетариата Турции после второй мировой войны, с. 165.
 95 Там же, с. 170.
 96 *Новичев А. Д.* Положение и борьба рабочего класса Турции после второй мировой войны, с. 109—110.
 97 *Гафуров Б. Г.* Актуальные проблемы современного национально-освободительного движения. М., 1976, с. 104.

Глава III

- 1 Küçük İstatistik yıllığı, № 290. Ankara, 1948, s. 500.
 2 *Demiray T.* Türkiye yıllığı 1948. İstanbul, 1948, s. 112.
 3 Народы Азии и Африки, 1979, № 5, с. 201.
 4 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 455.
 5 *Öztürk K.* Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları. İstanbul, 1968, s. 267.
 6 *Timur T.* Türk devrimi ve sonrası. 1919—1946. Ankara, 1971, s. 271.
 7 *Demiray T.* Türkiye yıllığı 1948, s. 24.

- 8 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции (1923—1960 гг.). М., 1962, с. 234.
- 9 Matthews A. T. Z. Yetişen türk idareciler. Ankara, 1955, s. 14, 15.
- 10 Там же, с. 21.
- 11 Demiray T. Türkiye yıllığı 1947. İstanbul, s. 37, 39, 41, 42, 46.
- 12 Там же, с. 52.
- 13 Там же.
- 14 Подсчитано по данным: Demiray T. Türkiye yıllığı 1947, s. 83.
- 15 Borataw K. 100 soruda gelir dağılımı. İstanbul, 1969, s. 179.
- 16 Avcioglu D. Türkiye'nin düzeni (dün-bugün-yarın), с. 2. İstanbul, 1976, s. 817.
- 17 Nebioglu O. Türkiye'de kim kimdir. İstanbul, 1961—1962, s. 50—51.
- 18 Правительство Р. Пекера управляло страной с 12.VIII. 1946 до 9.IX. 1947. См. Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 281.
- 19 Cem I. Türkiye'de geri kalmışlığın tarihi. İstanbul, 1973, s. 391.
- 20 Erer T. Türkiye'de partli kavgaları. İstanbul, 1963, s. 168.
- 21 Там же, с. 233.
- 22 Там же.
- 23 Л. Кырдар в годы войны совершил политические преступления. См.: Мара, 9.X. 1960. (на арм. яз.).
- 24 Koçu R. E. Dârülaceze (1895—1974). İstanbul, 1974, s. 186.
- 25 Sertel Y. Türkiye'de ilerici akımlar ve kalkınma davamız. İstanbul, 1969, s. 56.
- 26 Кондаклян Р. П. Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны, с. 112.
- 27 Гафуров Б. Г. Актуальные проблемы современного национально-освободительного движения. М., 1976, с. 62.
- 28 Лудшувейт Е. Ф. Турция, экономико-географический очерк. М., 1955, с. 195—196.
- 29 Брутенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979, с. 74.
- 30 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 776.
- 31 Левковский А. И. Социальная структура развивающихся стран (проблема многоукладного, переходного общества). М., 1978, с. 96.
- 32 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 531—532.
- 33 Зарубежный Восток и современность, т. I, М., 1980, с. 311.
- 34 İstatistik yıllığı, с. 21. Ankara, 1953, s. 283.
- 35 Джиллов Х. З. Экономика Турции, М., 1971, с. 170.
- 36 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 355.
- 37 Данилов В. И. Средние слои в политической жизни современной Турции. М., 1968, с. 7.
- 38 Розалиев Ю. Н. Низшие формы капитализма в промышленности Турции.— Турецкий сборник. История, экономика, литература, язык. М., 1958, с. 88.
- 39 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 78.
- 40 Vedat E. Le revenu national de la Turquie.—Revue de la Faculté des sciences économiques de l'Université d'Istanbul, 1948, № 1—2, p. 90—91.
- 41 İstatistik yıllığı, с. 21, s. 284.

- 42 Джиллов Х. З. Экономика Турции, с. 168.
- 43 Türkiye ansiklopedisi. с. 5. Ankara. 1957, s. 65—66.
- 44 Данилов В. И. Средние слои в политической жизни современной Турции, с. 8, 11.
- 45 Там же, с. 8.
- 46 Там же.
- 47 Türkiye ekonomisi. Milletlerarası İmar ve kalkınma bankasının Türkiye hükümetle birliktirak finanse ettiği heyetin raporu. Ankara, 1951, s. 243—244.
- 48 Джиллов Х. З. Экономика Турции, с. 169.
- 49 Данилов В. И. Средние слои в политической жизни современной Турции, с. 152.
- 50 Киреев Н. Г. Некоторые тенденции развития мелкого производства в обрабатывающей промышленности Турции, в сб.: Мелкое производство города в Азии и Африке. М., 1974, с. 158.
- 51 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 498.
- 52 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 80.
- 53 Смирнов В. П. Турция. Экономика и внешняя торговля. М., 1956, с. 39.
- 54 Там же, с. 94.
- 55 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 90.
- 56 Там же, с. 76.
- 57 Ким Г. Ф. От национального освобождения к социальному. Социально-политические аспекты современных национально-освободительных революций. М., 1982, с. 66.
- 58 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.
- 59 Розалиев Ю. Н. Низшие формы капитализма в промышленности Турции, с. 98.
- 60 Tuna T. Z. Türkiye'de siyasî partiler (1859—1952), İstanbul, 1952, s. 591.
- 61 Там же, с. 668.
- 62 Там же, с. 731.
- 63 Гафуров Б. Г. Актуальные проблемы современного национально-освободительного движения, с. 113.
- 64 Моисеев П. П. Финансы Турции и положение трудящихся в годы второй мировой войны.—Ученые записки Института востоковедения АН СССР, 1950, вып. 17, с. 198.
- 65 Розалиев Ю. Н. Экономическая история Турецкой республики. М., 1980, с. 164.
- 66 Karpat K. Türk demokrasî tarihi. İstanbul, 1968, s. 85.
- 67 Там же.
- 68 Ulus, 14.III.1950.
- 69 Подсчитано по данным: Demiray T. Türkiye yıllığı 1948. s. 82—110.
- 70 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 192.
- 71 Киреев Н. Г. Национальный и иностранный капитал во внешней торговле Турции. М., 1968, с. 63.
- 72 Türkiye ekonomisi, s. 185.
- 73 Koç V. Hayat hikâyesi. İstanbul, 1974, s. 108.
- 74 Neblöglü O. Türkiye'de kim kimdir, s. 526.
- 75 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 213.

- 76 Коç V. Hayat hikâyesi, s. 63.
 77 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 227.
 78 Куреев Н. Г. Национальный и иностранный капитал во внешней торговле Турции, с. 93.
 79 Kalkınan Türkiye. Ankara, 1954, s. 5. 213.
 80 Sertel Y. Türkiye'de ilericî akımlar ve kalkınma davamız, s. 65—66.
 81 Там же, с. 66.
 82 Vatan, 7.IV.1947.
 83 Sertel Y. Türkiye'de ilericî akımlar ve kalkınma davamız, s. 67.
 84 Cumhuriyet, 12.I.1948.
 85 Başar A. H. Demokrasî buhranları. İstanbul, 1956, s. 11.
 86 Başar A. H. Yaşadığımızın devrin içyüzü. Ankara, 1960, s. 44.
 87 Sertel Y. Türkiye'de ilericî akımlar ve kalkınma davamız, s. 70.
 88 Ulus, 28.VIII.1948.
 89 Ulus, 26.XI.1948.
 90 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 48.
 91 Tunaya T. Z. Türkiye'de siyasî partiler, s. 662—673.
 92 Там же, с. 585—592.
 93 Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 294, 319, 341.
 94 Avcioğlu D. Türkiye'nin düzeni, s. 525.
 95 Там же, с. 524.
 96 Giritlioğlu F. Türk siyasî tarihinde CHP'nin mevkî, c. 1. Ankara, 1965, s. 240—241.
 97 Avcioğlu D. Türkiye'nin düzeni, s. 525.
 98 Там же.
 99 Nadir N. Perde aralığından. İstanbul, 1965, s. 249—250.
 100 Aydemir Ş. S. İkinci adam, с. 2. İstanbul, 1975, 483.
 101 Там же, с. 487.
 102 Там же, с. 492.
 103 Aydemir Ş. S. İhtilâlın mantığı. İstanbul, 1976, s. 166.
 104 Познаньска К. Старая и новая Турция. М., 1974, с. 65.
 105 Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 313, 325—335.
 106 Коç V. Hayat hikâyesi, s. 137.
 107 Там же.
 108 Avcioğlu D. Türkiye'nin düzeni, s. 531.
 109 Шамсутдинов А. М. Турецкая республика (Краткий очерк истории 1923—1961). М., 1962, с. 60.
 110 Атаев Т. США, НАТО и Турция. М., 1973, с. 199.
 111 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. II, с. 372.
 112 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 193.

З а к л ю ч е н и е

- 1 Коммунист, 1. I. 1971.
 2 Инджикян О. Г. Буржуазия Османской империи. Ереван, 1977, с. 83.
 3 Народы Азии и Африки, 1982, № 4, с. 97.
 4 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 10.
 5 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 107.